

ИДЕОЛОГИЯ И УТОПИЯ

1929, выдержки Дятлова Н. С. от 08.02–23.03.2017

«объективность» | «истина» | «психологизм» | «онтология» | «представление» | «понятие» | «картина мира» | «миф» | «идеология» | «утопия» | «гносеология» | «релятивизм» | «реляционизм» | «бытие» | «причисление» | «партикуляризация» | «дистанцирование» | «реляционирование» | «политика» | «наука» | «идея» | «мышление» | «деятельность» | «оценка» | «дух» | «знание» | «рационализация» | «обусловленность» | «детерминанты» | «воля»

Глава I

Постановка проблемы

1. Социологическое понятие мышления

1. <...> так называемый донаучный, неточный тип мышления, к которому странным образом прибегают также логики и философы, когда им необходимо принять практическое решение, нельзя постигнуть посредством только логического анализа. Этот тип мышления образует некий комплекс, который не может быть легко отделен ни от психологических корней эмоциональных и жизненных импульсов, составляющих его основу, ни от ситуации, в которой он складывается и решение которой он пытается найти.
2. Основной тезис социологии знания заключается в том, что существуют типы мышления, которые не могут быть адекватно поняты без выявления их социальных корней.
3. Верно, что мыслить способен только индивид. Нет такой метафизической сущности, которая, подобно некоему групповому духу, мыслит, возвышаясь над отдельными индивидами, и чьи идеи индивид просто воспроизводит. Однако неверно было бы вывести из этого умозаключение, что все идеи и чувства, движущие индивидом, коренятся только в нём самом и могут быть адекватно объяснены только на основе его жизненного опыта.
4. Лишь в весьма ограниченном смысле индивид сам создает тип языка и мышления, который мы связываем с ним. Он говорит языком своей группы, мыслит в формах мышления своей группы. В его распоряжении оказываются лишь определенные слова и их значения. Они не только в большой степени определяют его подход к окружающему миру, но одновременно показывают, под каким углом зрения и в какой сфере деятельности предметы до сих пор были доступны восприятию и использованию их группой или индивидом.
5. <...> социология знания намеренно не отправляется от индивида и его мышления, чтобы затем, как это делают философы, непосредственно перейти к абстрактным высотам «мышления как такового». Напротив, социология знания стремится понять мышление в его конкретной связи с исторической и социальной ситуацией, в рамках которой лишь постепенно возникает индивидуально-дифференцированное мышление. Таким образом, мыслят не люди как таковые и не изолированные индивиды осуществляют процесс мышления, мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию.
6. Строго говоря, утверждать, что индивид мыслит, вообще неверно. Значительно вернее было бы считать, что он лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него. Он обнаруживает себя в унаследованной ситуации, в обладании соответствующими данной ситуации моделями мышления и пытается разработать унаследованные типы ответа или заменить их другими для того, чтобы более адекватно реагировать на новые вызовы, явившиеся следствием преобразований данной ситуации. Таким образом, тот факт, что каждый индивид живет в обществе, создает для него двойное предопределение: во-первых,

он находит сложившуюся ситуацию, во-вторых, обнаруживает в ней уже сформированные модели мышления и поведения.

7. Эти связанные в группы индивиды стремятся в соответствии с характером и положением группы, к которой они принадлежат, либо изменить окружающий их мир природы и общества, либо сохранить его в существующем виде. Направленность этой воли в сторону изменения природы и общества или сохранения их неизменными, эта коллективная деятельность и способствует возникновению проблем, понятий и форм мышления людей определенной группы.
8. Однако игнорирование чего-либо ни в коей степени не устраняет его существования. И тот, кто серьёзно и внимательно не изучил всего богатства форм, действительно присущих человеческому мышлению, не способен априорно решить, можно ли осуществить отрыв от социальной ситуации и всего контекста деятельности. Нельзя также сразу решить, соответствует ли подобная дихотомия интересам объективного фактического знания.
9. Однако это не означает, что там, где принадлежность к группе и ориентация на действие составляют как будто существенный элемент ситуации, исключена возможность рационального критического самоконтроля. Быть может, именно тогда, когда становятся очевидными как скрытая зависимость мышления от жизни группы, так и то обстоятельство, что корни его следует искать в деятельности, впервые вследствие осознания этого возникает возможность осуществлять контроль нового типа над недоступными ранее контролю факторами мышления.
10. Тем самым мы подошли к центральной проблеме книги. Из предшествующих замечаний должно быть ясно, что исследование названных проблем и их решение способны дать социальным наукам должную основу, а также содействовать ответу на вопрос, допустимо ли применение научных методов в политике. Не вызывает никакого сомнения, что в социальных науках, так же, как в любых других, должен быть найден в процессе исследования собственного объекта последний критерий истинного и ложного, и социология знания не может служить заменой этому.

2. Современная категория мышления

11. Не случайно проблема социальных корней мышления и его связи с деятельностью возникла в нашем поколении. Столь же не случайно бессознательное, служившее основой нашего мышления и нашей деятельности, постепенно было доведено до уровня сознания и тем самым стало доступно контролю. Мы не сможем правильно оценить значение для нас этого факта, если не примем во внимание то обстоятельство, что размышлять о социальных корнях нашего знания заставила нас специфическая социальная ситуация. Одно из фундаментальных положений социологии знания гласит, что процесс, в ходе которого коллективно-бессознательные мотивы становятся осознанными, может происходить не в любую эпоху, а лишь в определенной специфической ситуации. Такая ситуация может быть социологически детерминирована. Можно с относительной точностью перечислить факторы, неизбежно заставляющие все большее число людей размышлять не только о мире вещей, но и о самом мышлении, причем не столько об истинности мышления как такового, а о том поразительном факте, что один и тот же мир может представляться различным разным наблюдателям.
12. Совершенно очевидно, что подобные проблемы могут стать общезначимыми лишь в эпоху, когда несогласие в большей степени бросается в глаза, чем согласие. Люди обращаются от непосредственного изучения вещей к рассмотрению способов мышления только тогда, когда перед лицом множества противоположных определений исчезает возможность прямой и длительной разработки понятий о вещах и ситуациях. В настоящее время мы можем более точно, чем позволяет сделать общий и формальный анализ, определить, в какой социальной и духовной ситуации внимание неизбежно должно переместиться от вещей к взаимоотношениям мнениям, а от них — к бессознательным мотивам мышления. Здесь мы остановимся лишь на нескольких важнейших социальных факторах, действующих в этом направлении.

13. Прежде всего, многообразие форм мышления не может стать проблемой в периоды, когда социальная стабильность служит основой и гарантией внутреннего единства мировоззрения. В обществе, где каждый член группы с детских лет привыкает к одинаковому смыслу слов, одинаковому методу логического построения, отклоняющиеся процессы мышления не возникают. Даже постепенное изменение в способе мышления (если оно все-таки возникает) не осознается членами группы, пребывающими в стабильной ситуации, пока процесс адаптации мышления идёт настолько медленно, что растягивается на несколько поколений. В подобном случае одно поколение на протяжении своей жизни едва замечает, что происходит изменение.
14. Для того чтобы многообразие форм мышления было замечено и превратилось в тему для размышлений, к общей динамике исторического процесса должны присоединиться факторы совсем иного рода. Прежде всего господствующую в статичном обществе иллюзию, согласно которой всё может измениться, но мышление остается вечно неизменным, разрушает ускорение социальной мобильности. Более того, два вида социальной мобильности, горизонтальная и вертикальная, действуют различным образом, способствуя обнаружению многообразия стилей мышления. Горизонтальная мобильность (движение из одного положения в другое или из одной стороны в другую без изменения социального статуса) показывает, что различные народы мыслят по-разному. Однако до той поры, пока традиции национальных и локальных групп остаются нерушимыми, связь с привычным типом мышления остается настолько прочной, что типы мышления, обнаруживаемые в других группах, рассматриваются как странность, заблуждение, двусмысленность или ересь. На этой стадии ещё не возникает сомнения ни в верности собственных традиций мышления, ни в единстве и единообразии мышления вообще.
15. Заслуга Макса Вебера состоит в том, что в своей социологии религии он отчётливо показал, как одна и та же религия зачастую различно воспринимается крестьянами, ремесленниками, торговцами, знатью и интеллигенцией. В обществе, разделенном на замкнутые касты или сословия, где вертикальная мобильность очень незначительна, либо создаются замкнутые, изолированные друг от друга представления о мире, либо, если, например, эти касты исповедуют одну веру, эта вера интерпретируется различно, в соответствии с жизненным укладом касты или сословия. Последнее обстоятельство служит объяснением тому факту, что различные типы мышления отдельных каст не объединяются в одном сознании, в одном интеллекте и поэтому не становятся проблемой. С социологической точки зрения решительное изменение происходит тогда, когда достигается та стадия исторического развития, на которой возникает коммуникация между изолированными ранее слоями общества и начинает действовать социальная циркуляция. Главная стадия этой коммуникации характеризуется тем, что развивавшиеся до сих пор независимо друг от друга формы мышления и опыта проникают в одно и то же сознание и заставляют интеллект обнаруживать непримиримость противоречивых концепций мира.
16. Только общая демократизация, а не просто социальное продвижение, пусть даже значительное, отдельных лиц может привести к тому, что возвышение низших слоев повлечет за собой общественное признание их мышления.
17. Столкновение различных типов мышления, каждый из которых в равной степени претендует на репрезентативность, впервые делает возможной постановку столь рокового и столь фундаментального для истории мышления вопроса, а именно: как могут идентичные процессы мышления людей, объектом которых является один и тот же мир, создавать различные концепции этого мира. А отсюда лишь шаг к дальнейшему вопросу: не может ли быть, что эти процессы мышления совсем не идентичны? Не придём ли мы, исследовав все возможности человеческого мышления, к выводу, что существует множество различных путей, по которым можно следовать?
18. И разве не процесс социального возвышения вызвал в Афинах первую в истории европейского мышления волну скептицизма? Разве учение софистов греческого просвещения не было выражением сомнения, возникшего вследствие того, что при рассмотрении любого объекта в их мышлении сталкивались объяснения двух типов? С одной стороны,

существовала мифология, стиль мышления господствующей, но уже обреченной аристократии; с другой — более аналитический по своему характеру метод мышления низшего слоя — поднимавшегося городского ремесленничества. Поскольку обе эти формы объяснения мира вошли в мышление софистов и в их распоряжении для каждого морального решения было по крайней мере два нормативных стандарта, для каждого космического или социального явления — по крайней мере два объяснения, не следует удивляться тому, что они скептически относились к ценности человеческого мышления. Поэтому нелепо порицать их с высот школьной премудрости за то, что они были скептиками по своим гносеологическим воззрениям. У них просто было достаточно мужества выразить то, что чувствовал каждый человек, обладавший характерными свойствами своей эпохи, а именно, что прежняя недвусмысленность норм и толкований поколеблена и удовлетворительное решение может быть найдено лишь посредством радикального сомнения и глубокого осмысления противоречий. Таким образом, общая неуверенность ни в коей мере не свидетельствовала об общем упадке этого мира, но скорее являла собой кризис, который был этапом на пути к оздоровлению.

19. <...> в различные периоды проблемы мышления могут быть решены не столько в результате углубленного исследования объекта, сколько посредством выяснения того, почему мнения об этих проблемах действительно расходятся.
20. В каждом обществе есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира. Мы называем эти группы «интеллигенцией». Чем статичнее общество, тем более вероятно, что этот слой обретёт в нем определенный статус, превратится в касту. Так, шаманов, брахманов, средневековое духовенство можно рассматривать как интеллектуальные слои, каждый из которых обладал в данном обществе монополией контроля над формированием картины мира и над преобразованием и сглаживанием противоречий в наивных представлениях, созданных в других слоях. Проповедь, исповедь, вероучение составляют те средства, с помощью которых происходит сближение различных концепций на том уровне социального развития, когда мышление еще не достигло своей последующей изощренности.
21. Второй характерной чертой этого монополистического типа мышления является его относительная отдаленность от открытых конфликтов повседневной жизни; следовательно, оно и в этом смысле «схоластично», т.е. академично и безжизненно. Этот тип мышления складывается не в непосредственной борьбе за решение жизненных проблем, не как результат испытаний и заблуждений или попыток господствовать над природой или обществом — он прежде всего удовлетворяет собственные потребности в систематизации, в силу которой все факты религиозной сферы и других сфер жизни соотносятся с традиционными данными и неконтролируемыми предпосылками. Противоречия, возникающие в ходе дискуссий, олицетворяют собой не столько конфликт различных видов опыта, сколько позиции власти внутри одной социальной структуры, отождествившей себя с теми или иными возможными интерпретациями догматизированной традиционной «истины».
22. Решающим фактором современности, отличающим её от ситуации, сложившейся в рамках средневековой жизни, является, с социологической точки зрения, то, что монополия церковной интерпретации мира, принадлежащая касте священнослужителей, сломлена и место замкнутого, строго организованного слоя интеллектуалов заняла свободная интеллигенция, для которой характерно то, что она всё больше рекрутируется из постоянно меняющихся социальных слоёв и жизненных ситуаций и способ её мышления не подвергается более регулированию со стороны какой-либо организации типа касты. Ввиду отсутствия у интеллигенции собственной социальной организации она могла стать рупором тех типов мышления и опыта, которые открыто соперничали друг с другом в обширной сфере действия других слоёв. Если, далее, принять во внимание, что в результате устранения монополистических привилегий, характерных для общества, разделённого на своего рода касты, различные формы интеллектуальной продукции подчинялись законам свободной конкуренции, то становится понятным, почему в ходе этого соперничества интеллектуалы

всё более открыто принимали самые различные имеющиеся в обществе типы мышления и опыта и использовали их в борьбе друг против друга. Они были вынуждены поступать таким образом потому, что им приходилось бороться за благосклонность общества, которое, в отличие от клерикального, уже не принимало покорно, без определённых усилий, предлагаемую ему концепцию. Соперничество в борьбе за благосклонность различных общественных групп усугублялось ещё и тем, что различные способы восприятия и мышления достигали всё более отчетливого выражения и всё большей общественной значимости.

23. В ходе этого процесса исчезает иллюзия, будто существует только один тип мышления. Интеллектуал уже не является, как прежде, членом касты или класса, чей схоластический образ мышления представляет для него мышление как таковое. В этом сравнительно простом процессе следует искать объяснение того факта, что фундаментальная переоценка мышления в новое время стала возможной только после устранения интеллектуальной монополии духовенства. Почти единодушно принятое, искусственно сохраняемое представление о мире рухнуло в тот самый момент, когда была уничтожена социальная монополия его создателей. Вместе с освобождением интеллектуалов от строгой церковной организации всё в большей степени получали признание иные способы интерпретации мира.

3. Происхождение современных гносеологических, психологических и социологических точек зрения

24. Первым значительным следствием исчезновения единого представления о мире, знаменовавшего собой начало новой эры, было возникновение гносеологии. Так же, как и в древности, это было первым осмыслением беспокойства, которое возникло из осознания того факта, что мыслители, проникшие к самым основам мышления, открыли не только многочисленные образы мира, но и многочисленные онтологические структуры. Гносеология пыталась устранить эту неопределенность, отправляясь не от догматического учения о бытии, не от миропорядка, санкционированного высшим типом знания, а от анализа познающего субъекта.
25. Гносеологическая спекуляция всегда ориентирована на полярность объекта и субъекта. Она отправляется либо от объективного мира, который, как предполагается догматически, так или иначе всем известен, и, на этой основе поясняет положение субъекта внутри данного мирового устройства, выводя из этого положения субъекта его познавательные способности, либо от субъекта, рассматривая его как непосредственную и непреложную данность и пытаясь вывести из него возможность значимого знания. В периоды, когда объективный образ мира более или менее непоколебим, в эпохи, когда удаётся создать единообразное представление об устройстве мира, господствует тенденция, согласно которой существование познающего субъекта и его интеллектуальных возможностей основывается на объективных факторах. Так, в средние века, когда люди не только верили в однозначность мира, но и полагали, что им ведома «экзистенциальная ценность» каждого объекта внутри иерархии вещей, господствовало то учение о ценности человеческих способностей и человеческого мышления, которое отправлялось от объективного мира. Однако после того как рухнул описанный нами выше средневековый миропорядок, стало проблематичным и гарантированное господством церкви учение о порядке в объективном мире, и единственной альтернативой стал противоположный метод — отправляться в определении природы и значимости познавательного акта от субъекта и попытаться тем самым найти опору для объективного существования в познающем субъекте.
26. В этом, прежде всего, состоит смысл интеллектуального эксперимента Декарта, той назидательной борьбы, в которой он пытался подвергнуть сомнению все традиционные теории, для того чтобы в конечном итоге достигнуть не вызывающего более сомнения утверждения: *cogito ergo sum*. Это было единственной опорой, отправляясь от которой он мог вновь попытаться заложить основы образа мира.
27. Более или менее отчётливой предпосылкой всех этих попыток служит соображение, что субъект доступен нашему пониманию более непосредственно, чем объект, который в

результате многочисленных противоречивых толкований стал слишком неопределён. Поэтому мы должны направить наши усилия на то, чтобы там, где это возможно, эмпирически реконструировать генезис мышления в субъекте, которое более доступно нашему контролю, чем объективный мир. Во всё более очевидном предпочтении эмпирических наблюдений и генетических критериев сказывалась воля к свержению авторитетов. Она представляет собой центробежную тенденцию, противостоящую церкви с её официальной интерпретацией Вселенной: значимо только то, что я могу контролировать в своём собственном восприятии, что подтверждается моей экспериментальной деятельностью, или то, что я сам могу создать или по крайней мере теоретически конструировать как нечто практически выполнимое.

28. Таким образом, вместо традиционной, освященной авторитетом церкви, истории сотворения мира возникла концепция мироздания, различные части которой доступны интеллектуальному контролю. Эта концептуальная модель, которая выводит возможность представления о мире из акта сознания, привела к решению гносеологической проблемы. Появилась надежда на то, что, постигнув сущность истоков когнитивных представлений, можно будет понять, в чём состоит роль субъекта и его значение для акта познания, и установить степень истинности человеческого знания вообще.
29. Психика со всеми её непосредственно воспринимаемыми внутренними «переживаниями» есть также сегмент реальности. И знание об этих переживаниях предполагает теорию реальности, онтологию. Между тем в применении к психической реальности эта онтология оказалась не более надёжной, чем она была для внешнего мира.
30. Общество, различные группы которого не могут прийти к соглашению о значении Бога, жизни и человека, не способно прийти и к единому решению по поводу того, что следует понимать под грехом, отчаянием, спасением или одиночеством. Такого рода обращение к субъекту, по существу, не является выходом. Только тот, кто погружается в свое Я таким образом, что не уничтожает личностных элементов значения и ценности, ещё способен найти ответ на вопросы о смысле бытия.
31. <...> в настоящее время уже стало совершенно очевидным, что с помощью одного формального подхода нельзя получить все доступные нам сведения о мире и особенно о психической жизни людей.
32. Механистический тип мышления может быть с успехом применен лишь в тех случаях, когда цель или ценность заимствованы из другого источника и речь идёт только о рассмотрении «средств». Между тем наиболее важное назначение мышления в жизни человека состоит в том, чтобы управлять его поведением в момент принятия решений. Каждое подлинное решение (например, оценка других людей или вывод о том, как должно быть организовано общество) включает в себя суждения о добре и зле, о смысле жизни и разума.
33. По-видимому, формализующее и функционализирующее видение вещей стало возможным в наше время лишь потому, что господствовавшие ранее табу, которые делали людей невосприимчивыми по отношению к смысловым значениям из других источников, потеряли свою прежнюю силу с того момента, как церковь лишилась своей духовной монополии. В этих условиях каждая оппозиционная группа получила возможность открыто заявить о своих, противоположных существующим смысловых значениях, соответствующих её собственному пониманию мира. Тот, кто для одних был королём, был для других тираном. Между тем мы уже указывали на то, что чрезмерное количество противоречивых источников, из которых в одном и том же обществе возникает различные смысловые значения применительно к данному объекту, ведёт в конечном итоге к распаду любой системы смысловых вообще. В подобном обществе, внутренне разделённом в своем отношении к любой конкретной системе смысловых значений, согласие может быть установлено только применительно к формализованным элементам объекта (например, посредством следующего определения монарха: монархом является тот, кто, по мнению большинства людей данной страны, обладает законным правом осуществлять абсолютную власть). В определениях такого типа все субстанциальное, всякая оценка, которая уже не

может быть дана на основе общего согласия, реинтерпретируется в функциональных терминах.

34. Это, по-видимому, единственное, что может привести в качестве своей цели психоаналитик, если, оставляя в стороне все его сложные наблюдения и гипотезы, спросить его, для чего он лечит своих пациентов. В большинстве случаев его ответ сводится к понятию оптимальной адаптации. Определить же, для чего этот оптимум нужен, он в рамках своей науки не может, ибо в ней с самого начала устранена всякая конечная осмысленная цель.
35. Без ценностных концепций, без какой-либо — пусть даже минимальной — осмысленной цели мы ничего не достигнем ни в социальной, ни в психологической сфере.
36. Даже если весь смысл, созданный магически-религиозным пониманием мира, являлся «заблуждением», он тем не менее с чисто функциональной точки зрения помогал установить связь между фрагментами реальности как внутреннего психического, так и объективного внешнего опыта и привести их в соответствие с определенным типом поведения. Мы со все большей ясностью видим, что смысловые значимости (независимо от их источника и от того, истинны они или ложны) выполняют определённую социально-психологическую функцию, а именно фиксируют определенным образом внимание людей, намеревающихся сообщать что-либо совершить, исходя из «определенной дефиниции ситуации».
37. <...> с чисто функциональной точки зрения образование смысловых значений, будь то истинных или ложных, играет необходимую роль — оно социализирует события для группы. Мы принадлежим к группе не только от рождения, не только потому, что заявляем о своей принадлежности к ней, и не потому, наконец, что дарим ей свою лояльность и верность, а прежде всего потому, что смотрим на мир и на ряд явлений мира так же, как она (т.е. в соответствии со смысловыми значениями, принятыми данной группой).
38. Когда кто-либо говорит «королевство», он употребляет это слово в смысле, имеющем значение для определенной группы. Кто-либо другой, для кого королевство является просто организацией, например административной организацией, типа той, которая существует в почтовом ведомстве, не принимает участия в коллективных действиях группы, где в основу положено первое значение этого слова. Таким образом, не только каждое понятие связывает индивидов с определенной группой и её деятельностью, но каждый источник, из которого мы черпаем смысл и значение вещей, также действует как стабилизирующий фактор на возможность воспринимать и познавать предметы применительно к центральной, руководящей нашей деятельностью цели.
39. Неуверенность, возникающая при попытках применить выводы научной психологии к практической жизни, становится очевидной, как только педагог или политический лидер пытается руководствоваться ими в своей деятельности. Создается впечатление, что психология существует в ином мире и регистрирует свои наблюдения для членов другого, отличного от нашего общества. Подобному опыту современного человека, приближающемуся вследствие высокой дифференциации в разделении труда к утрате всякой определенной направленности, соответствует беспочвенность такой психологии, чьи категории не позволяют осмыслить даже самый простой жизненный процесс. То обстоятельство, что эта психология в самом деле оказывается совершенно неспособной заниматься проблемами духа, является причиной того, что она не может служить людям опорой в их повседневной жизни.
40. Мы детально рассмотрели названный [механистический — Н.Д.] метод и обнаружили, что, несмотря на все те конкретные достижения, которыми мы ему обязаны в сфере жизненной ориентации и поведения, его применение во многом способствовало росту общей неуверенности современного человека. Человек, совершающий действия, должен знать, кто он, и онтология психической жизни осуществляет определённую функцию в процессе деятельности. По мере того как механистическая психология и параллельное ей в мире реальности явление — социальный импульс к всеохватывающей механизации — отрицали онтологические ценности, они уничтожали и чрезвычайно важный элемент самоориентации людей в их повседневной жизни.

41. Так, например, если я знаю о человеке, каким он был в детстве, какие трудности и при каких обстоятельствах ему пришлось пережить, как он вышел из них, то мне известно о нем больше, чем мог бы дать ряд внешних фактов его биографии. Мне в данном случае известна вся совокупность связей, внутри которых создавались новые свойства человека и в свете которых следует толковать все стороны его жизненного опыта. Большой заслугой психогенетического метода является то, что он разрушил прежнюю механистическую концепцию, рассматривавшую нормы и культурные ценности как материальные вещи. В своем толковании какого-либо священного текста генетический метод заменяет формальное, умиротворенное признание нормы живым пониманием процесса, в котором впервые возникают нормы и культурные ценности и в рамках которого их следует всегда рассматривать для того, чтобы постоянно переосмысливать и правильно толковать. Тем самым генетический подход показал, что жизнь психического феномена есть сам этот феномен. Смысл истории и жизни содержится в их становлении и течении. Это впервые обнаружили романтики и Гегель, но с тех пор постоянно приходилось вновь и вновь делать это открытие.
42. Заслугой социологической точки зрения является то, что она рядом с индивидуальным генезисом смыслового значения поставила генезис в рамках групповой жизни.
43. <...> утверждение, что миру противостоит индивид с более или менее определенными абсолютными способностями и что в своём стремлении к истине он создаёт из данных своего опыта представление о мире, совершенно неверно. Не можем мы также поверить и в то, что этот индивид сравнивает своё представление о мире с теми, которые столь же независимо создали другие индивиды, и что затем в ходе своего рода дискуссии выявляется и всеми принимается некое подлинное представление о мире. Напротив, значительно правильнее считать, что знание с самого начала складывается в процессе совместной жизни группы, в которой каждый обретает своё знание в рамках общей судьбы, общей деятельности и преодоления общих трудностей (причём доля участия в этом каждого индивида различна). Следовательно, продукты познавательного процесса неминуемо, по крайней мере частично, дифференцируются, поскольку в поле зрения членов группы попадают не все возможные аспекты мира, а только те, из которых складываются трудности и проблемы для данной группы. И даже это общее представление о мире (не разделяемое другими группами) воспринимается различно отдельными подгруппами внутри объединяющей их большей группы. Это происходит потому, что подгруппы и страты функционально дифференцированного общества обладают различным опытом в своём подходе к общему содержанию объектов их мира. В решении жизненных проблем каждой из них предоставляется отдельный сегмент, внутри которого она действует различным образом в соответствии со своими жизненными интересами.
44. Более того, различные группы, участвующие в жизни города, рассматривают в каждый данный отрезок времени различные проблемы познания и различными путями обретают свой опыт, даже применительно к одному и тому же объекту.
45. Однако как только достигнуто понимание того, что мышление в своей большей части складывается на основе коллективных действий, неминуемо должна быть признана и сила коллективного подсознательного. Господство социологической точки зрения в сфере знания неизбежно влечет за собой постепенное выявление иррациональной основы рационального знания.
46. До тех пор пока наша гносеология не признает, что знание носит социальный характер, а индивидуализированное мышление является исключением, у нас не будет ни адекватной психологии, ни адекватной теории познания.

4. Контроль над коллективным бессознательным как проблема нашего времени

47. Крах объективного представления о мире, гарантом которого являлась в средние века церковь, ощущался даже самым примитивным сознанием. То, вокруг чего шла выраженная в рациональной терминологии борьба философов, массы воспринимали в форме религиозного конфликта.

48. Не способствовало общей вере в объективный миропорядок и то, что в период просвещенного абсолютизма большинство государств пытались ослабить церковь средствами, заимствованными ими у самой церкви, т.е. заменить объективную интерпретацию мира, гарантированную церковью, интерпретацией, гарантированной государством. Тем самым они содействовали делу просвещения, которое одновременно было одним из орудий поднимающейся буржуазии. И современное государство, и буржуазия достигли успеха в том смысле, что рационалистическое, естественнонаучное представление о мире все более вытесняло религиозное; однако при этом необходимая для рационального мышления полнота знания не проникла в широкие слои общества. Более того, распространение рационального мировоззрения не сопровождалось таким изменением социального положения заинтересованных в нем слоёв, которое привело бы к индивидуализации форм жизни и мышления.
49. Между тем при отсутствии такой социальной ситуации, которая была бы ориентирована на подобную индивидуализацию и принуждала к ней, жизнь без коллективных мифов трудно переносима.
50. Это не распространяется ни на прежних крестьян, ни на недавно появившийся слой низших служащих — «белых воротничков»; их положение не требует особого проявления инициативы или спекулятивного предвидения. Их поведение до известной степени регулируется мифами, традициями и верой в вождя.
51. Абсолютистское государство, считая, что одной из его прерогатив является разработка собственной интерпретации мира, сделало шаг, который в ходе дальнейшей демократизации общества всё более становился прецедентом. Оказалось, что политика может использовать свою концепцию мира в качестве орудия и что политика не является только борьбой за власть, но обретает своё фундаментальное значение лишь тогда, когда она связывает свои цели со своего рода политической философией, с политической концепцией мира.
52. Тем самым к расщеплению религиозного видения мира присовокупилось разделение в политических взглядах. Однако если церкви и секты вели борьбу с помощью различных иррациональных догматов веры и разрабатывали рациональный элемент в конечном итоге только для духовенства и для узкого слоя светских интеллектуалов, то поднимающиеся политические партии в несоизмеримо большей степени использовали в своей системе мышления рациональную и по мере возможности научную аргументацию, придавая ей гораздо большее значение. Это объяснялось отчасти их сравнительно поздним появлением на исторической арене в ту пору, когда социальный престиж науки как таковой сильно вырос, отчасти же их способом рекрутировать своих функционеров, которые, вначале по крайней мере, принадлежали преимущественно к вышеназванному слою эмансипированных интеллектуалов. Интересам индустриального общества в целом и собственным интересам этих слоёв интеллектуалов соответствовало то, что они основывали свои коллективные действия не столько на декларировании своего религиозного кредо, сколько на рационально обоснованной системе идей.
53. Основная трудность, связанная с этим непосредственным объединением теории и политики, заключается в том, что наука, если она хочет должным образом оценивать новые факты, должна всегда сохранять свой эмпирический характер, тогда как мышление, подчиненное политической установке, не может позволить себе постоянно применяться к новому опыту. По той простой причине, что политические партии обладают определённой организацией, они не могут пользоваться эластичными методами мышления или принимать любой вывод, полученный ими в результате исследования. По своей структуре эти политические партии являются публично-правовыми корпорациями и боевыми организациями. Уже одно это обстоятельство заставляет их склоняться к догматизму. И чем в большей степени интеллектуалы становились партийными функционерами, тем больше они теряли восприимчивость и гибкость, которыми они обладали в их прежней лабильной ситуации.
54. Обострение наступившего в конечном итоге интеллектуального кризиса может быть охарактеризовано двумя похожими на лозунги понятиями «идеология и утопия», которые ввиду их символического значения и были взяты в качестве заглавия данной книги.

55. В понятии «идеология» отражается одно открытие, сделанное в ходе политической борьбы, а именно: мышление правящих групп может быть настолько тесно связано с определённой ситуацией, что эти группы просто не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве. В слове «идеология» имплицитно содержится понимание того, что в определённых ситуациях коллективное бессознательное определённых групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его.
56. Понятие *утопического* мышления отражает противоположное открытие, также сделанное в ходе политической борьбы, а именно: определённые угнетённые группы духовно столь заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества, что невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание. Их мышление не способно правильно диагностировать действительное состояние общества. Их ни в коей степени не интересует то, что реально существует; они лишь пытаются мысленно предвосхитить изменение существующей ситуации. Их мышление никогда не бывает направлено на диагноз ситуации; оно может служить только руководством к действию. В утопическом сознании коллективное бессознательное, направляемое иллюзорными представлениями и волей к действию, скрывает ряд аспектов реальности. Оно отворачивается от всего того, что может поколебать его веру или парализовать его желание изменить порядок вещей.
57. Сначала те партии, которые располагали новым «интеллектуальным оружием» — разоблачением бессознательного — имели огромные преимущества перед своими противниками. Последние испытывали подлинное потрясение, когда им показывали, что их идеи не что иное, как искажённое отражение их жизненной ситуации, предвосхищение их неосознанных интересов.
58. Не случайно это проникновение в бессознательное было совершено нападающей стороной, причем атакуемый испытывал двойное потрясение: во-первых, от того, что бессознательное стало явным; во-вторых, от того, что это нарочитое выявление бессознательного было произведено с враждебных позиций. Ибо очевидно, что одно дело, когда бессознательное используется с целью помощи и оздоровления, и совсем другое — когда с целью разоблачения.
59. Однако по мере того как различные группы пытались с помощью этого самого современного оружия радикального разоблачения уничтожить веру противника в своё мышление, они уничтожали также, поскольку анализу стали постепенно подвергаться все позиции, веру в человеческое мышление вообще. Процесс выявления проблематичных элементов мышления, который латентно шёл с начала Нового времени, завершился крахом доверия к мысли вообще. То обстоятельство, что всё большее количество людей ищет спасения в скептицизме и иррационализме, отнюдь не является случайным, более того, оно неизбежно.
60. Лишь в той степени, в какой он [наблюдатель — Н.Д.], вынося оценочное суждение, участвует (симпатизируя или негодуя) в борьбе низших слоёв общества, в той степени, в какой он положительно или отрицательно оценивает самый факт возмущения, он способен осознать динамическое значение социального напряжения и возмущения.
61. Чем глубже анализируется слово «возмущение», тем очевиднее становится, что это на первый взгляд как будто лишённое оценки, чисто описательное для определённой установки понятие переполнено оценками.
62. <...> скептицизм и релятивизм, возникающие из взаимного уничтожения и обесценения различных политических целей, становятся средством спасения. Ибо этот скептицизм и релятивизм принуждают к самокритике и самоконтролю и ведут к новой концепции объективности.
63. Даже в нашей личной жизни мы обретаем господство над собой лишь тогда, когда действовавшие ранее как бы за нашей спиной бессознательные мотивы внезапно попадают в поле нашего зрения и тем самым становятся доступны сознательному контролю.
64. Объективность и независимость мировоззрения достигаются не отказом от воли к действию и от собственных оценочных суждений, а посредством конфронтации с самим собой и

проверки себя. Критерий подобного самоуяснения состоит в том, что в поле нашего зрения полностью попадает не только наш объект, но и мы сами.

65. <...> именно те, кто настаивает на неосознанном нами влиянии социальных детерминант, стремятся по возможности преодолеть эти детерминанты. Они выявляют бессознательные мотивы для того, чтобы ранее господствовавшие над ними силы могли быть постепенно преобразованы в объект сознательного решения.
66. <...> именно неуверенность, превратившаяся в жизни общества во все более непереносимое бремя, составит основу, которая позволит современной социологии достигнуть совершенно нового понимания изучаемых ею явлений.
67. В этом смысле социология знания является *систематизацией* того сомнения, которое в общественной жизни находит своё выражение в ощущении смутной неуверенности и неустойчивости.

Глава II. Идеология и утопия

68. Социология знания находится на той счастливой начальной стадии, когда она ещё не сложилась в застывшую схему научной систематизации, в готовые умозаключения, в фиксированную точку зрения, якобы полностью подчинившую себе свой мир.
69. <...> непосредственной ситуации нашего бытия и той «неуверенности в жизни», от которой отправляются обе наши работы.
70. Поскольку автор данной книги сознает, что мышление находится в кризисной ситуации, и вместе с тем не сомневается в возможности найти выход из неё, он не предлагает преждевременных решений вопроса.
71. <...> если раньше наивный, цельный человек жил, руководствуясь «содержанием идей», то мы всё более воспринимаем эти идеи по их тенденции как идеологии и утопии. Для непосредственного мышления, руководствующегося идеями, идея есть непререкаемая реальность; ведь доступ ко всем явлениям действительности совершается посредством идеи, подлинное бытие и истинное познание мыслимы лишь посредством соприкосновения с этой высшей сферой.
72. Общим и в конечном итоге решающим для понятия идеологии и утопии является то, что оно позволяет осмыслить возможность *ложного сознания*.

1. Необходимость предварительного пояснения понятий

73. <...> можно различать два значения понятия «идеология». Первое мы назовем *частичным*, второе *тотальным*.
74. О понятии частичной идеологии мы говорим в тех случаях, когда это слово должно означать, что мы не верим *определённым* «идеям» и «представлениям» противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов, подлинное воспроизведение которых не соответствует его интересам. Здесь речь может идти о целой шкале определений — от сознательной лжи до полусознанного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана. Подобное понятие идеологии, которое лишь постепенно обособилось от простого понятия лжи, может быть по ряду причин названо частичным.
75. Его частичный характер сразу бросается в глаза, если противопоставить ему понятие *радикальной тотальной* идеологии. Можно говорить об идеологии эпохи или конкретной исторической и социальной группы (например, класса), имея в виду своеобразие и характер всей *структуры сознания* этой эпохи или этих групп.
76. <...> «идеи», которые мы рассматриваем как функции его [коллективного или индивидуального субъекта — Н.Д.] социального бытия.
77. Таким образом, оба понятия идеологии превращают «идеи» в функции их носителя и его конкретного положения в социальной сфере.
78. Как идеологию взгляды противника начинают расценивать с того момента, когда их не считают больше заведомой ложью, но ощущают во всей его позиции некую неправду, которую толкуют как функцию определённого социального положения. Понятие частичной

идеологии указывает на феномен, занимающий промежуточное положение между прочь и теоретически неверно структурированной точкой зрения. Его объектом являются пласты заблуждения на психологическом уровне, которые создаются не преднамеренно, как в том случае, когда прибегают ко лжи, но являются следствием определённой каузальной необходимости.

79. <...> учение Бэкона об идолах может в известной степени рассматриваться как предвосхищение современной концепции идеологии. Для Бэкона идола — «призраки», «предрассудки»; он различает, как известно, *idola tribus*, *idola specus*, *idola spori*, *idola thatre*. Они являются источником заблуждений, проистекающих в одних случаях из человеческой природы как таковой, в других — из свойств отдельного индивида; их можно относить и к обществу или традиции, и все они преграждают путь к подлинному знанию.
80. Нет никакого сомнения в том, что современное понятие «идеологии» так или иначе связано с этим термином, который — как было только что сказано — означает у Бэкона источник заблуждения. И понимание того, что общество и традиции также могут стать источником заблуждений, несомненно можно рассматривать как некое предвосхищение социологического аспекта. Однако утверждать, что здесь существует реальное соотношение, прямая связь с современным понятием идеологии, которую можно рассматривать в рамках истории идей, мы не считаем возможным.
81. <...> определённого подхода к истории, оперирующего понятием частичной идеологии. Это мышление направлено на то, чтобы методами психологии интереса постоянно ставить под сомнение искренность противника и тем самым оспаривать значение его высказываний.

3. Понятие тотальной идеологии ставит под вопрос ноологическую сферу сознания

82. Подобно тому как раньше «сознание вообще» было вытеснено исторически дифференцированным народным духом, теперь это всё ещё слишком широкое понятие народного духа заменяется понятием классового сознания, вернее классовой идеологией.

4. Проблема «ложного сознания»

83. Понимание того, что *ложное сознание* возможно, относится к древнейшим временам. Оно коренится в религии и воспринимается современными людьми как духовное наследие прошлого. Эта проблема постоянно возникает в тех случаях, когда в среде пророка или у него самого появляется сомнение в истинности его видения или учения.
84. Слово «идеология» не имело вначале онтологического оттенка, ибо первоначально означало лишь учение об идеях. Идеологами называли, как известно, сторонников одной философской школы во Франции, которые вслед за Кондильяком отвергли метафизику и пытались обосновать науки о духе с антропологических и психологических позиций.
85. Понятие идеологии в современном его значении зародилось в тот момент, когда Наполеон пренебрежительно назвал этих философов (выступавших против его цезаристских притязаний) «идеологами». Тем самым это слово впервые получило уничижительное значение, которое оно — так же как слово «доктринёрский» — сохранило по сей день.
86. Однако если исследовать это «пренебрежение» в его принципиальном значении, то окажется, что речь идёт об уничижении гносеологического и онтологического характера, ибо объектом его является мышление противника. Можно более точно определить направленность этой уничижительной оценки: она носит онтологический и гносеологический характер, ибо утверждает ирреальность мышления противника.
87. Но можно задать ещё и следующий вопрос: ирреально по отношению к чему? Ответ будет гласить: по отношению к практике, практике политического деятеля. С этого момента термин «идеология» обретает дополнительный смысл, согласно которому каждая мысль, определённая как идеология, не может иметь практического значения; единственный же доступ к действительности открывает практическая деятельность, и в сопоставлении с ней мышление вообще — или в каком-либо частном случае определённое мышление — оказывается несостоятельным. Тем самым становится очевидным как на формирование

нового значения слова накладывает отпечаток позиция его создателя, т.е. политического деятеля. Новое слово санкционирует специфическое восприятие действительности, присущее политику, как бы пропагандирует его практический иррационализм, весьма далёкий от того, чтобы воспринимать мышление как орудие познания действительности.

88. Слово «идеология» утвердилось в этом понимании в течение XIX в. А это означает, что мироощущение политического деятеля и его представления о действительности всё более вытесняют схоластически-созерцательное восприятие и мышление; и с этого момента звучащий в слове «идеология» вопрос — что же действительно есть действительное? — более не исчезает. Однако это надо понимать правильно: вопрос о природе действительности сам по себе не нов; решительным сдвигом следует считать то, что этот вопрос всё настойчивее ставится в сфере общественного мышления (а не в замкнутой академической сфере) в том направлении, как того требует слово «идеология», т.е. отправляясь от восприятия политика.
89. Если первоначально исследователи ложного сознания обращались в своих поисках истинного и действительного к Богу или к идеям, постигаемым посредством чистого созерцания, то теперь одним из критериев действительного всё более становятся законы бытия, постигнутые впервые в политической практике. Эту специфическую черту понятие идеологии сохранило, несмотря на все изменения содержания, которое оно претерпело на протяжении всей своей истории от Наполеона до марксизма.
90. Проблема идеологии носит слишком общий и принципиальный характер, чтобы она могла длительное время оставаться привилегией одной партии; никто не мог воспрепятствовать противникам марксизма подвергнуть анализу, направленному на выявление идеологичности, и это учение.

5. Возникновение новой в диалектическом смысле ситуации вследствие распространения понятия идеологии

91. Это *понятие тотальной идеологии в его общем применении*, согласно которому мышление всех партий и всех эпох идеологично, трудно обойти. Вряд ли существует такая мыслительная позиция (марксизм не составляет в этом смысле исключения), которая не претерпевала бы изменений в ходе исторического развития и в которой и теперь нельзя было бы выявить социально обусловленные различия. В марксизме также существуют различные направления, социальную обусловленность которых без труда определит каждый марксист.
92. С появлением понятия тотальной идеологии в его всеобщем применении то, что было только *учением об идеологии*, превращается в *социологию знания*. Из арсенала духовной борьбы одной партии изымается открытое ею общее правильное положение, которое, однако, применяется ею в своем частном значении, — положение об «обусловленности» любого мышления «бытием» — и превращается в тему исследования в области истории духа;
93. Целью этого социологического исследования в области истории духа должен быть свободный от какой бы то ни было партийной предвзятости анализ всех факторов, связывающих в каждом данном случае мышление с социальной ситуацией. Эта социологически ориентированная история духа поможет современному человеку переосмыслить весь исторический процесс.
94. Рассмотрение проблемы истины может на этой ступени в свою очередь привести к двум различным решениям: либо к *релятивизму*, либо к *реляционизму*, что следует строго различать.
95. *Релятивизм* возникает в тех случаях, когда современное историко-социологическое понимание того, что историческое мышление всегда обусловлено данной конкретной социальной позицией, сочетается со старой теорией познания, которая по существу ещё не постигла связь между бытием и мышлением, ещё не определила свое отношение к этому феномену; поэтому, ориентируясь на статическую мыслительную парадигму (типа $2 \times 2 = 4$), эта теория познания неотвратимо приходит к выводу о несостоятельности всякого социально обусловленного знания, поскольку оно является только «относительным». Релятивизм возникает здесь, следовательно, в результате несоответствия между новым пониманием

действительной структуры мышления и ещё не овладевшей этим пониманием теорией познания.

96. <...> теория познания в такой же степени входит в поток становления, как и всё наше мышление, и прогресс её заключается именно в том, что она постоянно преодолевает те сложности, которые процесс становления выявляет в структуре мышления. Современная теория познания, учитывающая соотнесенность любого исторического знания, должна, таким образом, прежде всего исходить из того, что есть сферы мышления, где нельзя себе даже представить наличие ни с чем не соотнесённого и не обусловленного социальной ситуацией знания. Даже Господь не мог бы сформулировать историческую точку зрения в соответствии с парадигмой $2 \times 2 = 4$, ибо всё то, что доступно пониманию, может быть в каждом данном случае сформулировано лишь в соотнесенности с постановкой проблемы и с концептуальной системой, которые сами возникают в потоке исторического преобразования. Как только мы поймем, что историческое, социально обусловленное знание по самой своей природе реляционно, т.е. может быть сформулировано лишь в соотнесении с определённой позицией, перед нами, правда, вновь возникнет проблема истины, ибо неизбежно появится вопрос, какая же позиция оптимальна для постижения истины; однако на этой стадии мы во всяком случае уже оставим позади веру в то, что истина может быть свободна от какой-либо соотнесенности с исторической и социальной ситуацией. Поставив таким образом проблему, мы, конечно, ещё далеко не решим её, однако перед нами откроется широкая перспектива для более свободного осмысления возникающих перед нами актуальных проблем. Далее, решающим является то обстоятельство, что на стадии общего применения понятия тотальной идеологии мы должны различать подходы двух типов: 1) *свободный от оценочного суждения*; 2) *оценочно (гносеологически и метафизически) ориентированный*; при этом мы ещё не ставим вопрос, приведёт ли второй подход к релятивизму или к реляционизму.
97. Здесь неизбежно будет возникать вопрос, как определенная структура бытия приводит к определённой интерпретации этого бытия. Таким образом, на данной стадии идеологичности человеческого мышления не рассматривается более как неправда, ложь и т. д., но, как уже было указано, находит свое объяснение в *обусловленности мышления* бытием. Человеческое мышление конституируется не в свободном парении внутри социального вакуума; напротив, оно всегда уходит своими корнями в определенную социальную сферу.
98. Однако этот факт никоим образом нельзя рассматривать как источник заблуждений. Совершенно так же, как человек, жизненно связанный с другими людьми или с условиями их существования, способен более глубоко понять их в научном отношении, и социальная обусловленность определённой точки зрения, определённого категориального аппарата создает именно благодаря этой связи с реальной жизнью большую силу проникновения в определённые сферы бытия (мы видели, как в нашем примере пролетарско-социалистическая позиция по самой своей сущности заключала в себе возможность выявить идеологичности мышления своего противника). Однако социальная обусловленность создает не только возможности, но и препятствия. Определённое социальное положение не позволяет достигнуть необходимой в том или ином случае широты перспективы.
99. Вопрос будет поставлен ещё более радикально, если нам удастся показать, что само возникновение морали и этики связано с определённой ситуацией, что их основные понятия — долг, проступок, грех — не всегда существовали, что они являются коррелятами *определённых* социальных условий.
100. Вполне очевидно, что всякая деятельность требует известного гипостазирования своих взглядов, сама форма выражения мыслей — их абсолютизации.
101. Это первое свободное от оценки понимание истории не обязательно должно вести к релятивизму; скорее оно приведет к реляционизму. Абсолютную формулировку общего понятия идеологии не следует отождествлять с иллюзионизмом (идеология на этой ступени феноменологически не идентична иллюзии); социально обусловленное познание не повисает в пустоте, социально обусловленная норма не является ни к чему не обязывающей. Реляционизм означает только взаимоотношенность всех смысловых элементов и их взаимно обосновывающую значимость внутри определенной системы. Однако эта система возможна

и значима только для исторического бытия определенного типа, чьим адекватным выражением она некоторое время является. Если бытие смещается, то ему становится чуждой «созданная» им некогда нормативная система.

102. Наслаждающиеся уютом и покоем весьма склонны гипостазировать и стабилизировать в качестве абсолютных ценностей случайные перипетии в повседневном, к которым следует отнести и романтизированные представления («мифы»), чтобы тем самым сохранить покой и уют. Так, в современном мышлении происходит странное преобразование: категория абсолютного, которая некогда была направлена на постижение Божества, становится орудием повседневности, всеми силами стремящейся замкнуться в себе.

7. Переход свободного от оценки понятия идеологии в оценивающее понятие идеологии

103. Наши требования сводятся, следовательно, к тому, чтобы мы всегда проявляли готовность признать частичный характер любой точки зрения и понять, в чём этот частичный характер заключается; и мы полагаем, что сознательное выявление имплицитных метафизических предпосылок (которые только и делают возможным эмпирическое исследование) будет в значительно большей степени способствовать чистоте научного исследования, чем их принципиальное отрицание, вслед за которым они вводятся через чёрный ход.

8. Характеристика двух типов онтологических суждений, которые могут скрываться в свободном от оценки понятии идеологии

104. Уже мистики утверждали, что существует нечто за пределами времени и пространства и что пространство и время со всеми связанными с ними явлениями — не более чем иллюзия перед лицом экстатического переживания. Однако мистики ещё не могли это доказать. Повседневность была ещё слишком прочной в своей конкретности.
105. То, что некогда составляло эзотерическое знание немногочисленных посвящённых, в наши дни настолько разработано методически, что может быть воспринято всеми. Таким образом, при известных обстоятельствах социологизм превратится, подобно историзму, в средство отрицания подлинной реальности повседневного опыта и истории для тех, кто ищет эту реальность во внеисторической, экстатической сфере.
106. <...> проверяя и обосновывая наши выводы не только спекулятивно, но и на основе имеющихся данных, мы создадим дисциплину, которая может быть названа *социологической диагностикой времени*.
107. Какие бы усилия ни делались для того, чтобы освободить подобную диагностику от оценочных суждений, она неминуемо соскользнет на оценочную позицию. Уже на первой стадии исследования это будет неизбежно вызвано тем фактом, что расчленение исторического процесса возможно только посредством расстановки акцентов; расстановка же акцентов и определение значимости — уже первый шаг к оценке и онтологическому решению.

9. Вторичное появление проблемы «ложного сознания»

108. Задача состоит теперь в том, чтобы среди норм, типов мышления и схем ориентации *одного и того же времени* отделить истинные от ложных, подлинные от неподлинных. Здесь «ложное сознание» оказывается несостоятельным не перед лицом абсолютного, вечного и неизменного бытия, а перед лицом бытия, постоянно преобразующегося в ходе сменяющих друг друга душевных процессов.
109. Уже из этого становится понятным, почему вся энергия, вынужденная в силу диалектики мышления отказаться от постижения вневременных ценностей, с тем большей интенсивностью направляется на то, чтобы установить, какие идеи данной эпохи являются подлинными, и отделить их от неподлинных идей.

110. В соответствии с новой точкой зрения, ложным в этической сфере является сознание в том случае, если оно ориентировано на нормы, которыми при всём желании нельзя руководствоваться на данной стадии исторического процесса, если, следовательно, несостоятельность индивида следует рассматривать отнюдь не как его личную вину, но как результат применения недействительных на данной стадии моральных аксиом. Ложным в своей интерпретации морального поведения сознание является тогда, когда оно, опираясь на традиционное осмысление (форм жизни, переживаний, понимания мира и человеческой природы), препятствует появлению и утверждению новой морали и новому становлению человека. Ложным теоретическое сознание является в том случае, если оно в своей «мирской» жизненной ориентации мыслит категориями, которые вообще неприменимы для последовательного ориентирования на данной стадии бытия. Носителями этой «идеологической» функции могут в первую очередь оказаться устаревшие и потерявшие свое значение нормы и формы мышления, а также интерпретации мира; они не только не уясняют совершенные действия, данное внутреннее и внешнее бытие, но скрывают их подлинный смысл.
111. Для понимания того, как устаревшие *этические* нормы превращаются в идеологии, достаточно вспомнить историю «беспроцентной ссуды». Предоставление ссуды без взимания процентов — требование, адекватно выполнимое лишь там, где экономической и социальной основой служит сообщество соседей. <...> После победы капитализма идеологический характер этой нормы (тот факт, что её можно только обойти, но следовать ей невозможно) становится настолько очевидным, что и церковь отказывается от неё.
112. Если принять во внимание все эти примеры, ложное сознание предстанет перед нами в совершенно ином виде. С этих позиций ложным и идеологичным является то сознание, которое по типу своей ориентации отстаёт от новой действительности и поэтому по существу заслоняет её с помощью устаревших категорий.
113. Это понятие идеологии (о понятии утопии речь пойдет, как мы уже указали, в предпоследнем разделе) мы назовём оценивающим и динамичным: оценивающим, поскольку оно выносит суждения об идеях и структурах сознания; динамичным, поскольку оно соразмеряет их с находящейся в постоянном движении действительностью. Оно может быть, разумеется, лишь абсолютным, тотальным понятием идеологии и являет собой тот второй тип, который мы противопоставили «свободному от оценки» понятию.
114. <...> в одной и той же историко-социальной сфере могут существовать различные структуры ложного сознания, — одни из них опережают «современное» им бытие, другие отстают от него. В обоих случаях эти структуры сознания маскируют бытие, вследствие чего понятие идеологии и утопии исходит из той «действительности», которая постигается только практикой. Все предпосылки, содержащиеся в вышеупомянутом (динамическом и оценивающим) понятии идеологии, покоятся на опытных данных, игнорировать которые невозможно; в крайнем случае можно допустить лишь иную их систематику и обработку.

10. В идее идеологии и утопии содержится попытка постигнуть реальность

115. В идее идеологии и утопии, в стремлении избежать как идеологии, так и утопии по существу содержится поиск реальности. Оба эти современные представления являются орудиями плодотворного скепсиса; их следует всячески приветствовать, поскольку они выступают против двух серьёзных искушений, порождаемых сознанием, — тенденции мышления замкнуться в себе, скрыть реальность или опередить её. Мысль должна содержать не меньше и не больше, чем действительность, в рамках которой она существует. Подобно тому как подлинная красота литературного стиля состоит по существу в том, что сказано только то, что следует, не больше и не меньше, истина сознания также заключается в его полном соответствии действительности.
116. <...> *динамический реляционизм* — единственно возможная и адекватная форма поисков выхода в мире, где существует множество видений, каждое из которых, гипостазировав себя в некую абсолютность, со всей очевидностью демонстрирует свой частичный характер.

117. Мы не отрицаем ни значения эмпирического исследования, ни существования фактов (мы менее всего склонны к иллюзионизму). Мы также обосновываем свои утверждения фактами, однако наше понимание этих фактов носит особый характер. «Факты» всегда конституируются для познания в определённом мыслительном и социальном контексте. Само их постижение и формулирование уже имплицитно подразумевает определенный понятийный аппарат. И пока он остаётся единым для данного исторического сообщества, ряды предпосылок, скрывающиеся за каждым отдельным понятием (социальные и интеллектуальные ценности), обнаружены быть не могут. Этим только и можно объяснить ту сомнамбулическую уверенность в обладании истиной, которая господствовала во времена несокрушимой стабильности. Однако с того момента, как наблюдение расщепляется и теряет своё прежнее единство, исчезает и возможность единообразной интерпретации опытных данных. Прежде всего возникают противоположные типы мышления, в результате чего (незаметно для мыслящих субъектов) один и тот же эмпирический материал поглощается различными мыслительными системами и в каждом данном случае подвергается подчас той или иной переработке посредством различных по своему характеру категорий.
118. Только тогда, когда мы осознаем ограниченность всех позиций и точек зрения и всё время выявляем её, мы находимся хотя бы на пути к искомому целостному пониманию.
119. Тотальность в нашем понимании не есть непосредственное, раз и навсегда данное видение, доступное лишь божественному оку, или относительно замкнутый, стремящийся к стабильности образ. Тотальность предполагает восприятие частичных взглядов, постоянное преодоление их границ, стремление к целому, которое, расширяясь шаг за шагом в процессе познания, видит свою цель не во вневременном окончательном решении, а в предельно возможном для нас расширении перспективы.

Глава III. Может ли политика быть наукой? (проблема теории и практики)

1. Почему до настоящего времени не было политической науки?

120. Наступит время, когда даже возникновение и исчезновение целых наук будет сведено к определенным факторам и тем самым объяснено.
121. <...> то, что до сих пор представлялось нам загадочным: почему именно политика ещё не стала наукой (факт особенно удивительный в нашу эпоху), характерной целью которой является последовательная, сплошная рационализация мира.
122. Правильная постановка вопроса уже сама по себе была бы значительным достижением; знание о незнании принесло бы известное успокоение, ибо тем самым мы бы по крайней мере поняли, почему в этой области невозможно знание и его распространение.
123. В политике есть области, непосредственно доступные пониманию и изучению. Образованный профессиональный политик должен знать историю страны, где протекает его деятельность, а также историю тех стран, с которыми связана его страна и которые в своих взаимоотношениях образуют определенную политическую среду. Так, для политической деятельности прежде всего необходимо знание историографии и дополняющих её статистических данных. Далее политик должен быть осведомлён о государственном устройстве тех стран, которые связаны с его сферой деятельности.
124. Если бы перед нами стояла задача составить перечень знаний, необходимых для профессионального политика, то в него следовало бы включить упомянутые выше предметы. Однако все они дают лишь *чисто фактические сведения*, которые политик *может использовать*, в своей совокупности они также не создают политику как науку и в лучшем случае могут выполнять функции вспомогательных наук.
125. Политическая наука изучает творческие силы данного момента, чтобы из этого потока движущихся сил создать нечто устойчивое. *Вопрос сводится, таким образом, к следующему: возможно ли знание текущего, становящегося, знание творческого акта?*
126. <...> мы сразу же попадаем в область «политики», когда дипломатам удаётся заключить с иностранными государствами не существовавшие ранее договоры, когда депутаты проводят в парламенте законы о новых налогах, когда кто-либо занимается предвыборной агитацией,

когда оппозиционные группы готовят восстание или забастовку или когда эти действия подавляются.

127. Следует, однако, признать, что в действительности здесь, как и во всех подобных определениях, границы текучи. Так, нечто новое может возникнуть и в повседневной государственной жизни в результате медленного перемещения в последовательности традиционных конкретных решений. И наоборот, какое-либо социальное движение, например, может состоять из «стереотипных», «оказывающих бюрократизирующее воздействие» элементов. Тем не менее эта полярность «повседневная государственная жизнь»-«политика» остаётся чрезвычайно плодотворной в качестве ориентирующего отправного пункта.
128. Таким образом, мы различаем в обществе «рационализированную структуру» и «иррациональную среду». Здесь само собой напрашивается дальнейший вывод: наш мир характеризуется тенденцией по возможности всё подвергнуть рационализации, превратить в объект административного управления и устранить иррациональную среду.
129. *Деятельность*, в нашем понимании, не составляют те решения, которые принимает чиновник, рассматривающий пачку актов в соответствии с существующими предписаниями; нельзя говорить о подлинной деятельности и в том случае, когда судья подводит какой-либо проступок под соответствующий параграф кодекса или когда фабричный рабочий изготавливает болт согласно разработанным методам; нет по существу подлинной деятельности и тогда, когда известные законы природы используются в определённой комбинации для достижения какой-либо технической цели. Все эти действия следует рассматривать как *репродуцирующие*, ибо они совершаются в рамках некоей рационализированной системы в соответствии с данными предписаниями без какого-либо индивидуального решения.
130. *Деятельность*, в нашем понимании, начинается только там, где еще нет рационализации, где мы вынуждены принимать решения в ситуации, не регулируемой предписаниями. Здесь только и возникает проблема взаимоотношения между *теорией и практикой*, о которой, основываясь на проведенном анализе, кое-что можно сказать уже теперь. Знанием о той части общественной жизни, где все, в том числе и сама жизнь, рационализировано и организовано, мы, безусловно, располагаем. Здесь вообще не встает проблема отношения между теорией и практикой, ибо подведение отдельного явления под общий закон — действие, которое не может быть названо практикой.
131. <...> в области политики теоретик связан с определённым политическим течением, с одной из борющихся сил не только в своих оценках и волевых импульсах; характер постановки вопросов, весь тип его мышления вплоть до используемого им понятийного аппарата — всё это с такой очевидностью свидетельствует о влиянии определённой политической и социальной основы, что в области политического и исторического мышления следует, по моему мнению, говорить о различии стилей мышления, различии, которое простирается даже на логику. В этом обстоятельстве и состоит, без сомнения, наибольшее препятствие для того, чтобы политика могла быть наукой в общепринятом смысле.

2. Обоснование тезиса, согласно которому познание детерминировано политически и социально

132. Связанная же с ним наука распадается, согласно этой [буржуазной — Н.Д.] точке зрения, на три части: 1) учение о цели, т.е. учение об идеальном государстве; 2) учение о позитивном государстве; 3) политика, т.е. описание способов, посредством которых существующее государство будет превращено в совершенное государство.
133. <...> связь эмоционального с рациональным может при известных обстоятельствах быть чрезвычайно прочной (проникать даже в категориальную структуру) и что в ряде областей требование подобного разделения *de facto* неосуществимо.
134. <...> согласно этому учению, есть некая *правильная* постановка цели, которая, если она ещё не обнаружена, может быть достигнута посредством дискуссии. Так, первоначально концепция парламентаризма (как ясно показал К. Шмитт) была концепцией дискутирующего

общества, где поиски истины шли теоретическим путём. В настоящее время достаточно хорошо известна природа этого самообмана, объяснение которого должно носить социологический характер, известно и то, что парламенты отнюдь не являются сообществами для проведения теоретических дискуссий. Ибо за каждой «теорией» стоят коллективные силы, воля, власть и интересы которых социально обусловлены, вследствие чего парламентская дискуссия отнюдь не носит теоретический характер, а является вполне *реальной дискуссией*. Выявление специфических черт этого феномена и стало в дальнейшем задачей вышедшего позже врага буржуазии — социализма.

135. Для марксистского учения очевидно, что за каждой теорией стоят аспекты видения, присущего определенным коллективам. Этот феномен — мышление, обусловленное социальными, жизненными интересами, — Маркс называет *идеологией*.
136. То, как воспринимается история, как из существующих фактов конструируется общая ситуация, зависит от того, какое место исследователь занимает в социальном потоке. В каждой исторической или политической работе можно установить, с какой позиции рассматривается изучаемый объект. При этом социальная обусловленность мышления совсем не обязательно должна быть источником заблуждения; напротив, в ряде случаев именно она и придаёт проницательность пониманию политических событий. Наиболее важным в понятии идеологии является, по нашему мнению, открытие социальной обусловленности политического мышления. В этом и заключается главный смысл столь часто цитируемого изречения: *«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»*.
137. <...> легко убедиться в том, что мыслитель социалистическо-коммунистического направления усматривает элементы идеологии лишь в политическом мышлении противника; его же собственное мышление представляется ему совершенно свободным от каких бы то ни было проявлений идеологии. С социологической точки зрения нет оснований не распространять на марксизм сделанное им самим открытие и от случая к случаю выявлять идеологический характер его мышления.
138. В отличие от буржуазных мыслителей, уделявших особое внимание определению цели и всегда отпавлявшихся от некоего нормативного представления о правильном общественном устройстве, Маркс — и это является одним из важнейших моментов его деятельности — всегда боролся с проявлениями подобного утопизма в социализме. Тем самым он с самого начала отказывается от точного определения цели; нормы, которую можно отделить от процесса и представить в виде цели, не существует. *«Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна соотноситься действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой»*.
139. Если сегодня спросить воспитанного в ленинском духе коммуниста, как будет в действительности выглядеть общество будущего, то он ответит, что вопрос поставлен недиалектически, ибо будущее складывается в реальном диалектическом становлении. В чём же состоит эта реальная диалектика? Согласно этой диалектике, нельзя представить себе а priori, каким должно быть и каким будет то или иное явление. Мы в силах повлиять лишь на то, в каком направлении пойдет процесс становления. Нашей конкретной проблемой является всегда только *следующий шаг*. В задачу политического мышления не входит конструирование абсолютно правильной картины, в рамки которой затем без всякого исторического основания насильственно вводится действительность. Теория, в том числе и теория коммунистическая, есть функция становления. Диалектическое отношение теории к практике заключается в том, что сначала теория, вырастающая из социального волевого импульса, *уясняет ситуацию*. По мере того как в эту уясненную ситуацию вторгаются действия, действительность меняется; тем самым мы оказываемся уже перед новым положением вещей, из которого возникает новая теория. Следовательно, движение состоит из следующих стадий: 1) теория — функция реальности; 2) эта теория ведёт к определенным действиям; 3) действия видоизменяют реальность или, если это оказывается невозможным,

заставляют пересмотреть сложившуюся теорию. Изменённая деятельностью реальная ситуация способствует возникновению новой теории.

140. Таким образом, социалистическо-коммунистическая теория является синтезом интуитивизма и стремления к крайней рационализации. Интуитивизм находит своё выражение в том, что здесь полностью, даже в тенденции, отвергается проведение точного предварительного расчета; рационализм — в том, что в каждую данную минуту подвергается рационализации то, что увидено по-новому. Ни одного мгновения нельзя действовать без теории, однако возникшая в данной ситуации теория не находится уже на том же уровне, на котором находилась теория, предшествовавшая ей.
141. Марксистское мышление родственно консервативному тем, что оно не отрицает иррациональную сферу, не пытается скрыть её, как это делает бюрократическое мышление, и не рассматривает её, подобно либерально-демократическому мышлению, чисто интеллектуально, будто она является рациональной. Марксистское мышление отличается от консервативного тем, что в этой относительной иррациональности оно видит моменты, которые могут быть постигнуты посредством рационализации нового типа.
142. <...> ярко выраженная потребность в теоретизировании соответствует с социологической точки зрения такой классовой структуре, где людей объединяет не взаимная близость, а одинаковое положение в обширной социальной сфере. Эмоциональные связи действуют лишь в непосредственной близости, теоретизированное представление о мире связывает и на расстоянии. Таким образом, рационализированная концепция истории служит социально связующим фактором для рассеянных в пространстве групп и связующим звеном для сменяющихся поколений, постоянно растающих в сходные социальные положения.
143. Различным значениям понятия истории следовало бы посвятить особое исследование. Тогда можно было бы показать, что различные духовные и социальные течения по-разному интерпретируют историю.
144. Иррациональность же фашистского действия устраняет эту в той или иной степени познаваемую историчность, подобно тому как она уже до известной степени была устранена в синдикалистской концепции предшественника фашизма *Сореля*, который отрицал идею эволюции с близких фашизму позиций. Все то, что связывает консерваторов, либералов и социалистов, сводится к предпосылке, согласно которой в истории существует некая связь событий и форм, благодаря чему всё в той или иной степени имеет значение, соответствующее его *месту* в истории, и не всё может произойти всегда. С фашистской же точки зрения, любая историческая концепция есть просто конструкция, фикция, которую следует уничтожить в пользу прорывающегося сквозь историческое время действия.
145. То обстоятельство, что в фашистской идеологии, особенно после её поворота вправо, появляются идеи «национальной войны» и «Римской империи», несколько не противоречит антиисторической сущности этой теории. Оставляя в стороне то, что эти идеи с самого начала сознательно воспринимались как мифы, т.е. фикции, эти идеи вообще не свидетельствуют об историчности данной концепции, ибо историческое мышление и историческая деятельность не сводятся к патетическому переживанию содержания каких-либо прежних событий, а находят своё выражение в том, что человек ощущает себя внутри потока исторических событий, потока, обладающего определённой, отчетливо выраженной структурой. Это ощущение только и делает действительно понятным собственное вмешательство в ход событий.
146. Мышление здесь [в фашизме — Н.Д.] лишь пролагает путь для чистого действия. Возглавляющий движение вождь знает, что все политические и исторические идеи — не более чем мифы. Сам он свободен от их воздействия, но он ценит их, и это другая сторона данной установки, поскольку они являются «дериватами», которые стимулируют энтузиазм, приводят в движение чувства, иррациональные резидуальные пласты в человеке и одни только ведут к политическим действиям. Здесь претворяется в практику то, что Сорель и Парето разработали и довели до логического конца в теории мифов и учении об элите и передовых ударных отрядах.

147. С фашистской точки зрения и марксистское понимание, рассматривающее историю как основанную на экономических и социальных факторах структурную взаимосвязь, есть в конечном итоге только миф, и совершенно так же, как с течением времени исчезает уверенность в структурированности исторического процесса, складывается и отрицательное отношение к учению о классах. Нет пролетариата, есть только пролетариаты.
148. Что касается отношения теории к практике, то фашистско-активистское решение этой проблемы привлекает многих тем, что объявляет всю сферу мышления иллюзорной. Политическое мышление может в лучшем случае, воплощаясь в «мифы», возбуждать людей к действию, но совершенно не способно научно постигать политику или прогнозировать будущее. Скорее можно считать чудом, что человеку в ряде случаев всё-таки удается, несмотря на ослепляющий свет иррациональности, обрести необходимый для повседневной жизни эмпирический опыт.
149. Своим отрицанием историчности фашизм отчасти обязан (помимо уже упомянутого интуитивизма) мироощущению поднявшейся буржуазии. В мировоззрении поднявшегося класса всегда проявляется тенденция воспринимать исторический процесс как совокупность отдельных событий. История постигается как процесс лишь до той поры, пока наблюдающий за ней класс ещё надеется на что-нибудь. Только из этих ожиданий возникают «утопии», с одной стороны, концепции «прогресса» — с другой. Приход к власти ведёт к уничтожению утопического элемента и все большему опреснению, в результате чего духовные и душевные силы могут быть направлены на осуществление непосредственных задач. Из этого следует, что общая картина, ориентированная на тенденции развития и тотальные структуры, заменяется теперь представлением о мире, состоящем из непосредственных импульсивных действий и дискретных данностей. Учение о процессе, об интеллигибельности исторической структуры становится теперь «мифом».
150. Фашизм может с полным основанием заимствовать эту буржуазную тенденцию к отрицанию истории как детерминированного процесса, ибо фашизм и сам выражает интересы определенных буржуазных групп. И стремится он, следовательно, не к созданию нового мира и нового социального порядка вместо существующего, а к замене одного господствующего слоя другим внутри существующего классового общества.
151. Марксизм открыл, что политика не исчерпывается деятельностью партий и их дискуссиями в парламенте, что последние при своей видимой конкретности являются лишь отражением экономических и социальных структур, которые могут быть в значительной степени познаны методами мышления нового типа.
152. Все политические аспекты являются лишь частичными, поскольку история в её целостности слишком огромна, чтобы, наблюдая с отдельных возникающих в ней позиций, её можно было бы полностью охватить. Однако именно потому, что все эти аспекты наблюдения возникают в одном и том же потоке исторических и социальных событий, что их неполнота конституируется в атмосфере становящегося целого, дана возможность их противопоставления друг другу, и синтез их является задачей, которая постоянно ставится и ждет своего решения.
153. Ждать какого-либо абсолютного, вневременного синтеза означало бы для нас вернуться к статичному представлению о мире, присущему интеллектуализму. В сфере постоянного становления адекватным синтезом может быть лишь динамический, постоянно вновь совершаемый синтез.
154. Вопрос заключается в следующем: могут ли различные стили мышления (под этим мы понимаем только что характеризованное различие типов мышления) объединиться, образуя синтез? История свидетельствует о том, что подобное соединение возможно.
155. Маркс соединил в своей концепции либерально-буржуазное, генерализирующее мышление с историзмом гегельянского толка, консервативного по своим корням. Таким образом, не вызывает сомнения, что синтезировать можно не только содержание мышления, но и его основы.
156. Подобный синтез стилей мышления, развивавшихся до определённого момента изолированно, тем нужнее, что мышление вынуждено постоянно расширять свой

категориальный аппарат и свои формальные средства, если оно хочет овладеть всё увеличивающейся и усложняющейся проблематикой нашего времени. Если даже представители отдельных направлений, связанные узкими границами партийных взглядов, разрабатывают методы синтезирующего мышления, то это должно быть тем более свойственно тем, кто с самого начала стремился по возможности выразить в своей концепции понимание целого.

4. Проблема носителя синтеза

157. <...> история политического мышления показывает, что воля к синтезу всегда свойственна определенным, однозначным в социальном отношении слоям, а именно тем средним классам, которым грозит опасность сверху и снизу и которые поэтому в силу своего социального инстинкта всегда ищут среднего положения между крайностями.
158. Подлинный синтез не есть среднее арифметическое между существующими в социальной сфере требованиями. Такое решение могло бы только способствовать стабилизации существующего положения в пользу тех, кто недавно возвысился и стремился защитить свои социальные привилегии от нападков «справа» и «слева». Напротив, подлинный синтез требует такой политической позиции, которая содействовала бы прогрессивному историческому развитию, позволяющему сохранить всё, что возможно, из достижений культуры и социальных энергий прежних эпох; однако вместе с тем новый синтез должен охватить все области социальной жизни и органически войти в общественную структуру, чтобы тем самым утвердить свою, преобразовательную силу.
159. <...> в каждом данном случае необходимо знать, что уже не нужно и что ещё невозможно.
160. Таким слоем, не обладающим прочным положением, относительно мало связанным с каким-либо классом, является (по терминологии Альфреда Вебера) *социально свободно парящая интеллигенция*.
161. Социология, ориентированная только на классы, никогда адекватно не постигнет именно этот феномен. Она неизбежно будет стремиться к тому, чтобы интеллигенция считалась классом или хотя бы придатком какого-либо класса. Тем самым эта социология даст правильную характеристику ряда детерминант и компонентов этой свободно парящей социальной целостности, но не самой этой целостности в её особом своеобразии.
162. Чем больше число классов и социальных слоёв, из которых рекрутируются различные группы интеллигенции, тем многообразнее и противоречивее по своим тенденциям становится сфера образования, которая их объединяет. И отдельный индивид в большей или меньшей степени испытывает влияние всей совокупности борющихся тенденций.
163. Если мышление человека, участвующего в процессе производства, связанного с определённым классом и образом жизни, непосредственно детерминируется только данным, специфическим социальным бытием, то мышление интеллектуала определяется не только его классовой принадлежностью, но и содержащей все эти полярные тенденции духовной средой.
164. Эта способность интеллектуалов присоединяться к чуждым им по своему классовому составу группам проистекала из того, что они могли вчувствоваться в любую позицию и что для них, и только для них, существовала возможность выбора, тогда как непосредственно связанные с определённым классом индивиды лишь в исключительных случаях выходили в своих действиях за рамки своих классовых воззрений.
165. <...> часто встречающееся среди интеллигентов «отсутствие твердых убеждений» — лишь обратная сторона того, что только они и могут иметь подлинные убеждения.
166. В наши дни, более чем когда-либо, наличие подобного динамического промежуточного слоя позволяет надеяться на то, что он направит свои усилия на создание вне партийных школ такого форума, где будет сохранена широта кругозора и интерес к целому.
167. Политическая социология, *которая не диктует решения, а пролагает путь к принятию решений*, бросит свет на такие связи в сфере политики, которые едва ли вообще замечались ранее. И прежде всего она выявит структуру социально обусловленных интересов. Она откроет факторы, детерминирующие классово обусловленные решения, и тем самым

характер связи между коллективной волей и классовыми интересами, что должен принимать в расчет каждый человек, желающий заниматься политикой. Будут открыты, например, связи такого типа: если кто-либо хочет достигнуть того-то, он в определённый момент происходящих событий будет мыслить таким-то образом и воспринимать процесс в его целостности таким-то. Однако то *обстоятельство*, что он хочет достигнуть именно этого, зависит от тех или иных традиций, которые в свою очередь коренятся в тех или иных структурных детерминантах социальной сферы.

5. О своеобразии политического знания

168. <...> наше понятие науки значительно уже, чем область действительно существующих типов знания, и что знание, которое может быть получено и передано, отнюдь не кончается там, где находится граница наших современных наук.
169. В соответствии с этим господствующим представлением о науке в современном сознании утвердилось стремление к квантификации, формализации и систематизации на основе определённых аксиом, вследствие чего повсюду удалось сделать доступным познанию определенный слой действительности, тот её слой, который поддается подобной формализации, квантификации и систематизации или хотя бы сам подчинён определённым закономерностям.
170. <...> находящийся в центре житейских событий человек, который инстинктивно правильно использовал необходимые методы познания, всегда оказывался умнее теоретика, уделявшего внимание только тому, что допускали привнесенные им предпосылки. Тем самым неизбежно становилось всё более очевидным, что этот человек со своим житейским пониманием обладает знанием в тех областях, где теоретик, т.е. современный теоретик-интеллектуал, уже никаким знанием не обладает. Из этого следует, что модель современного естественнонаучного знания, по существу, без всякого основания гипостазирована в качестве модели знания вообще.
171. Прежде всего современный рационалистический стиль мышления, тесно связанный с капиталистической буржуазией, устранил интерес к качественной стороне. Однако, поскольку основной тенденцией этого современного знания была тенденция к анализу и явление обрело с этой точки зрения научную значимость лишь после того как оно было разложено на отдельные элементы, это направление утратило и способность прямо и непосредственно постигать целостность.
172. Всякое познание, основанное на всей рецептивности человека в целом или на конкретных чертах исторически и социально обусловленного человека, вызывало подозрения и отвергалось. Так, прежде всего вызывал подозрение опыт, основанный только на «чувственном» восприятии: из этого проистекает упомянутое исключение качественного познания. Поскольку чувственное восприятие в его конкретном своеобразии в столь значительной степени связано с человеком как с чисто антропологическим субъектом и к тому же с трудом передается другим, от его специфических данных предпочли отказаться.
173. Совершенно так же казалось подозрительным и познание, доступное лишь специфическим историко-социальным сообществам. Ведь целью было знание, свободное от каких бы то ни было мировоззренческих предпосылок. При этом сторонники данного направления не замечали того, что их мир чистой квантификации и анализа также был открыт лишь на основе определённого мировоззрения; это совсем не означает, что мировоззрение обязательно должно быть источником заблуждений, напротив, именно оно открывает путь к определённым областям знания.
174. <...> прежде всего позитивизм стремился устранить конкретного человека с его оценками и желаниями.
175. Конечно, заслугой формального математического знания можно считать, что это — знание, принципиально доступное каждому, и что его содержание совершенно не зависит от индивидуального или даже стоящего за ним историко-коллективного субъекта. Однако, безусловно, существует обширная область, которая доступна либо только индивидуальным

субъектам, либо только в определённые исторические периоды и открывается только при наличии определённых социальных стремлений.

176. Примером первого может служить тот факт, что только любящий или ненавидящий видит в любимом или ненавидимом им человеке свойства, незаметные для остальных людей, являющихся в данном случае лишь зрителями.
177. Здесь перед нами динамический процесс, которым заключается в том, что становление человеческих свойств происходит в деятельности и в размежевании с миром.
178. <...> обусловленность знания бытием.
179. Именно это и совершает социология в качестве знания политики. Она не принимает какое-либо теоретическое заключение как нечто абсолютно значимое, но реконструирует исконные позиции, с которых мир представлялся таким-то, и пытается охватить совокупность различных перспектив и взглядов, исходя из всего процесса в целом.

6. О возможности передавать политическое знание

180. Определение «социального уравнения» должно сопутствовать ознакомлению с каждой точкой зрения; если это возможно, надо также в каждом данном случае исследовать, почему при наблюдении с данной позиции связи предстают именно в таком аспекте. И всегда следует иметь в виду — мы не устаём это подчёркивать, — что «социальное уравнение» совсем не обязательно является источником ошибки; напротив, в большинстве случаев именно оно способствует тому, что в поле зрения попадает ряд определенных связей. Выявить же, в чём именно заключается односторонность данной социальной позиции, легче всего в том случае, если мы сопоставим эту социальную позицию с другими. Политическая жизнь с её полярными типами мышления как бы сама в ходе своего становления производит коррекцию, уменьшая слишком резкое преувеличение одной концепции данными другой. Уже по одному этому в каждой конкретной ситуации совершенно необходимо принимать во внимание по возможности всю совокупность взглядов.
181. Если обратиться, например, к истории искусства — привлекая тем самым в качестве иллюстрации близкую нам область, где теоретически изучается нетеоретический субстрат, то окажется, что основные точки зрения складываются здесь из установок знатока искусства, коллекционера, филолога и историка духовной культуры. История искусства могла бы быть совсем иной, если бы она была написана художниками для художников или с позиций субъекта, просто наслаждающегося искусством. Последняя проявляется обычно только в критике современного искусства.
182. <...> историки горячо отстаивают тезис, согласно которому история ничему не учит. Если недостатком вышеупомянутых установок была их отдалённость от конкретных событий, их пристрастие к генерализациям, типам, системам, которые уводили от живой истории, то историк настолько замыкается в непосредственной исторической действительности, что его выводы значимы только для конкретных ситуаций прошлого.
183. Подлинно активный человек не станет задавать себе вопрос, как какой-либо выдающийся деятель прошлого поступал в определённой ситуации; его будет интересовать, как этот деятель ориентировался бы в современной ситуации. Способность быстро переориентироваться во всё время меняющемся соотношении сил является основополагающим практическим качеством такого сознания, которое постоянно стремится к активной ориентации. Пробудить эту способность, поддерживать её и способствовать тому, чтобы она проявляла себя на любом материале, и является специфической задачей политического образования.
184. В нашу эпоху неадекватность системы обучения, целью которой является только передача, сообщение знаний и которая ведёт к субординации «слушателя», проявилась сначала в области, называемой обычно «изобразительным искусством». Здесь также создание академии привело к вытеснению прежней формы обучения, прототипом которой была *мастерская* (студия). Между тем мастерская создавала ассоциацию, значительно более чем академическое обучение соответствовавшую тому субстрату, который должен был быть передан. Прежде всего мастерская всегда создает между мастером и учеником отношения,

основанные на *совместной деятельности*. Здесь тема обучения не разворачивается систематически и не принимается учеником к «сведению». Все передаваемые сведения демонстрируются в конкретных ситуациях, «при случае», а не просто сообщаются; при этом ученик участвует в работе мастера, помогает ему и завершает в течение своей жизни то, что наметил мастер.

185. Политическое знание и умение передавалось в форме случайной информации. «При случае» сообщались специфические политические методы и сведения. То, чем для искусства была студия, для ремесла — мастерская, для политики, особенно политики буржуазно-либерального толка, был социальный институт *клуба*.
186. Клуб — это специфическая форма объединения людей, «сама собой» сложившаяся как соответствующее средство для социального и партийного отбора (в качестве платформы политической карьеры) и для выявления импульсов коллективной воли.
187. Потребность в систематическом обучении заставляет нас уже теперь (а со временем эта потребность будет ощущаться всё острее) предоставлять политику, журналисту специальное образование. Опасность заключается в том, что в этом специальном образовании, если организация его будет чисто интеллектуалистичной, окажется вытесненным именно политический элемент. Чисто энциклопедические знания, не связанные с практикой, не принесут большой пользы.
188. Разве пробуждение воли возможно только посредством одностороннего ее воспитания, и разве воля, перерабатывающая в себе различные критические точки зрения, не является также волей, даже волей более высокого типа, которой нельзя просто пренебречь?
189. Мы не должны допускать, чтобы нас втягивали в сферу влияния экстремистских политических групп, навязывали нам их терминологию и жизнеощущение. *Не должны соглашаться с тем, что только определённым образом направленная воля есть воля и только революционное или контрреволюционное действие есть действие*. Здесь оба крайних крыла политического движения хотят навязать нам свое одностороннее понимание практики и тем самым скрыть от нас подлинную проблематику. Или политикой следует считать *только* подготовку восстания? Не является ли также действием непрекращающееся преобразование условий и людей? Значение революционных и повстанческих фаз может быть понято в аспекте целого, но и тогда они выполняют лишь частную функцию в рамках всего процесса в целом. Неужели именно та воля, которая пытается найти динамическое равновесие с точки зрения целого, лишена соответствующих традиций и типов образования? И разве желание создать больше центров политической воли с живой критической совестью не соответствует истинным интересам целого?

7. Три пути социологии знания

190. Именно тот анализ, который постоянно исходит из социальной обусловленности политического знания и стремится постигнуть форму изложения с социально-активистских позиций, и является анализом в рамках социологии знания.
191. <...> часто случается, что мы принимаем в качестве «объективных» моментов те категориальные структуры и постулаты, которые мы бессознательно сами внесли в эксперимент и которые впоследствии определяются специалистом в области социологии знания как ограниченные, исторически и социально обусловленные аксиомы того или иного направления.
192. Тем самым мы подошли к *третьему пути*, который и является нашим. Сторонники этого подхода полагают, что там, где начинается собственно политическая область, оценочный элемент не может быть просто устранён или во всяком случае устранен в такой степени, как это делается в формально-социологическом мышлении или в других сферах формализованного познания.
193. Однако тот факт, что социология знания дает нам подобную основу, ни в коей степени не устраняет наше собственное решение; социология знания лишь расширяет границы той сферы, внутри которой будет принято решение. И те, кто опасается, что знание детерминирующих факторов повлияет на решение, окажется угрозой для «свободы», могут

быть спокойны. Ведь по существу детерминирован в своих решениях только тот, кому неизвестны наиболее важные детерминирующие факторы и кто действует под непосредственным давлением неведомых ему детерминант. И лишь в результате осмысления господствовавших до сих пор над нами детерминант мы перемещаем их из сферы бессознательных мотиваций в область управляемых, исчисляемых и объективируемых факторов. Тем самым выбор и решение не устраняются; напротив, мотивы, которые раньше господствовали над нами, теперь нам подчинены; в своём отступлении мы всё более приближаемся к нашей подлинной сущности, и там, где мы раньше покорялись велению неизбежного, мы способны теперь сознательно объединиться с силами, с которыми мы можем полностью идентифицировать себя.

194. Постоянное изучение тех факторов, которые до сих пор находились вне нашего контроля, и всё больше расширяющее наш кругозор отеснение нашего решения является, как нам кажется, основной тенденцией в становлении политического знания. Это соответствует высказанному нами ранее утверждению, согласно которому область, доступная рационализации и рациональному контролю (даже в сфере наших глубоко личных переживаний), всё расширяется, а иррациональная среда соответственно этому всё более сужается.
195. Приведёт ли это развитие к полной рационализации мира, вообще исключаящей возможность иррациональности и принятия решения, будет ли тем самым устранена лишь социальная детерминация — вопросы, которые мы здесь рассматривать не будем, ибо такая возможность более чем утопична, очень далека и поэтому недоступна научному изучению.
196. <...> затем — это мы добавляем, основываясь на наших предшествующих заключениях, — чтобы сами наши убеждения были подвергнуты критическому переосмыслению и очищены от слепо и насильственно действующих детерминант.
197. Впервые такого рода понимание политики было сформулировано Максом Вебером. В его концепции находит своё отражение та стадия в развитии политики и этики, на которой слепые силы судьбы оказываются (хотя бы частично) изгнанными из социальной сферы и знание всего того, что может быть узнано, становится обязанностью лица, совершающего какие-либо активные действия.

Глава IV. Утопическое сознание

1. Попытка уяснения основных феноменов: Утопия, идеология и проблема действительности

198. Утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его «бытием». Это несоответствие проявляется всегда в том, что подобное сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, которые реально не содержатся в этом «бытии». Однако не каждую ориентацию, не соответствующую данному «бытию», являющуюся трансцендентной по отношению к нему и в этом смысле «чуждой действительности», мы назовем утопичной. Мы будем считать утопичной лишь ту «трансцендентную по отношению к действительности» ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей.
199. В ходе истории люди значительно чаще ориентировались на трансцендентные, чем на имманентные действительности факторы, и тем не менее осуществляли на основе подобного не соответствующего бытию «идеологического» сознания вполне конкретное устройство социальной жизни. Утопичной подобная не соответствующая действительности ориентация становилась лишь тогда, когда она действовала в том направлении, которое должно было привести к уничтожению существующей «структуры бытия».
200. Каждая стадия исторического бытия обволакивалась представлениями, трансцендировавшими это бытие, однако до тех пор, пока они «органически» (т. е. не оказывая преобразующего воздействия) входили в картину мира, соответствующую данному

периоду, они выступали не как утопии, а как идеологии, присущие данной стадии исторического развития.

201. Пока феодальному государству и средневековой церковной организации удавалось связывать обещания райского блаженства не с существующей социальной структурой, а с некоей трансцендентной сферой, с потусторонним миром и тем самым лишая их преобразующей силы, они ещё принадлежали к данному общественному порядку. Лишь тогда, когда определённые группы людей ввели эти чаяния в сферу своей непосредственной деятельности, пытаясь их реализовать, эти идеологии стали утопиями. И если мы здесь вслед за Ландауэром (сознательно вопреки принятой нами дефиниции) назовём каждое значимое, действующее социальное устройство «топией», то все эти чаяния, в той мере, в какой они обладают преобразующей функцией, станут утопиями.
202. Поскольку человек есть существо, которое прежде всего живёт в истории и в обществе, то окружающее его «бытие» никогда не является «бытием вообще», но всегда есть конкретная историческая форма общественного бытия. С социологической точки зрения, «бытие» доступно постижению только как «конкретно значимое», т. е. как некое постоянно функционирующее и действительно существующее жизненное устройство.
203. Одним словом, «трансцендентными бытию», нереальными, являются все те представления, которые не согласуются с существующим жизненным устройством. Представления, которые соответствуют конкретно существующему *de facto* действующему порядку, мы назовем «адекватными», соответствующими бытию. Они встречаются относительно редко, и лишь вполне ясное в социологическом смысле сознание оперирует соответствующими данному бытию представлениями и мотивами. Соответственным, адекватным бытию представлениям противостоят две большие группы трансцендентных бытию представлений: идеология и утопия.
204. Идеологиями мы называем те трансцендентные бытию представления, которые *de facto* никогда не достигают реализации своего содержания. Хотя отдельные люди часто совершенно искренне руководствуются ими в качестве мотивов своего поведения, в ходе реализации их содержание обычно искажается.
205. *Утопии* также трансцендентны бытию, ибо и они ориентирует поведение на элементы, не содержащиеся в данном реальном бытии; однако они не являются *идеологиями*, т. е. не являются ими в той степени и постольку, поскольку своим противодействием им удаётся преобразовать существующую историческую *действительность*, приблизив её к своим представлениям.
206. Если такое принципиальное и совершенно формальное различие между утопией и идеологией представляется постороннему наблюдателю безусловным, то решить, что *in concrete* в каждом данном случае следует считать идеологией и что утопией, невероятно трудно. Здесь мы всегда сталкиваемся с представлениями, содержащими оценки и стандарты, и для проведения их в жизнь необходимо разделять стремления и жизнеощущения борющихся за господство над исторической действительностью партий.
207. <...> термин «утопический» обретает утвердившееся в наши дни дополнительное значение — утопическим называют представление, реализация которого в *принципе* невозможна (мы сознательно устранили это значение в нашей узкой дефиниции данного понятия). Нет никакого сомнения в том, что среди упомянутых трансцендентных представлений есть и такие, которые в принципе не могут быть и никогда не будут реализованы. Однако люди, мыслящие в рамках сохранения устойчивости данного социального порядка, находящиеся в плену данного мироощущения, всегда будут склонны считать *абсолютно утопичными* все те трансцендирующие бытие представления, которые не могут быть реализованы в рамках данного социального порядка.
208. Здесь всё дело в нежелании выходить за пределы данного социального порядка. Это нежелание лежит в основе того, что неосуществимое только на данной стадии бытия рассматривается как неосуществимое *вообще*, и посредством такого стирания различий полностью устраняется возможность выставить требования, которые носят характер относительной утопии.

209. <...> необходимо посредством анализа в рамках социологии знания сопоставить односторонность той и другой позиции.
210. <...> отношение между бытием и утопией.
211. Это «диалектическое отношение» хорошо, хотя чисто формально и несколько интеллектуалистично, сформулировал гегельянец Дройзен: §78 «Идеи — это критика того, что есть и не является таким, каким оно должно было бы быть. По мере того как они, будучи реализованы, воплощаются в новые условия жизни и застывают в виде привычки, инертности, косности, возникает необходимость в новой критике, и так всё вновь и вновь...».
212. <...> исторические понятия, отражающие единичность событий, большей частью создаются сторонниками консервативных позиций. Во всяком случае, это безусловно справедливо для того времени, когда в противовес генерализирующему методу возникла идея исторической единичности и неповторимости.
213. Подобным историческим «неконструктивным» понятием является, например, понятие «утопия», поскольку в узком историческом понимании оно либо охватывает только явления, близкие по своим конкретным чертам «Утопии» Томаса Мора, либо в несколько более широком смысле относится к «романам о государственном устройстве».
214. Конструкция не есть спекуляция, где понятие и рефлексия не выходят за свои границы; конструкция есть предпосылка эмпирического исследования, которое, если оно оправдывает содержащееся в понятии предвосхищение, или проще, дает «доказательства» в пользу правильности конструкции, поднимает её до уровня реконструкции.
215. Именно потому, что конкретное определение утопического всегда связано с определённой стадией в развитии бытия, *утопии сегодняшнего дня могут стать действительностью завтрашнего дня.*
216. Утопичность идей всегда выявляют представители господствующего слоя, находящиеся в полном согласии с существующим порядком; идеологичность — представители поднимающегося слоя, отношения которых к существующему порядку полны напряжения, вызванного самим их положением в данном обществе.
217. <...> сегодня, когда эти утопии стали действительностью, нам доподлинно известно, в какой мере в этой идее свободы содержались не только утопические, но и идеологические элементы.
218. Находясь в центре борющихся представлений, действительно чрезвычайно трудно установить, что следует рассматривать как подлинные (т. е. осуществимые в будущем) утопии и что следует отнести к идеологии господствующих (а также поднимающихся) классов.
219. Однако применительно к прошлому мы располагаем достаточно достоверным критерием для определения того, что следует считать идеологией и что утопией. Этим критерием является *реализация*. Идеи, которые, как оказалось впоследствии, лишь парили в качестве маскирующих представлений над уходящим или возникающим общественным порядком, были идеологиями; те же идеи, которые получили в последующем общественном порядке свою адекватную реализацию, были относительными утопиями.
220. <...> проекции человеческих чаяний подчинены постигаемым принципам и что в одни исторические периоды осуществление этих чаяний проецируется большей частью во время, в другие — в пространство. В соответствии с этим различием грезы о месте осуществления всех надежд можно определить как утопии, грёзы о времени этого осуществления как хилиастические учения.
221. <...> новое в видении «харизматического» индивида будет лишь в том случае захвачено потоком социальной жизни, если оно с самого начала соприкасается с каким-либо течением, если его значение генетически коренится в ведущих тенденциях коллективных стремлений. Не следует преувеличивать значение индивидуального сознания, освободившегося от господства коллективного духа, которое обычно связывают с Возрождением. Роль индивидуального сознания здесь относительно велика, если сопоставить её со значением индивидуального сознания в средние века или в культурах Востока, но она не абсолютна.

- Следовательно, если на первый взгляд утопию какого-либо социального слоя создает изолированный индивид, то в конечном итоге оказывается, что её можно с полным правом отнести к тому слою, чьи коллективные импульсы были конформны идеям этого индивида.
222. Совершенно так же, как в современной психологии стало очевидным, что наше восприятие целостного образа (Gestalt) предшествует восприятию его элементов и что, лишь отправляясь от целого, мы, собственно говоря, и постигаем элементы, это происходит и в истории.
223. Если мы говорим здесь об определённых формах и стадиях утопического сознания, то мы имеем в виду конкретные структуры сознания, которые можно обнаружить такими, как они «жили» в отдельных людях. Мы имеем в виду не конструированное единство (подобно кантовскому «сознанию вообще») и не метафизическую сущность, находящуюся как бы вне сферы конкретного сознания индивида (подобно гегелевскому «духу»), но конкретные структуры сознания, которые можно обнаружить в каждом отдельном человеке.
224. Конструкциями эти чистые типы и стадии утопического сознания являются лишь постольку, поскольку они выступают как идеальные типы.

2. Изменение формы утопического сознания и стадии его развития в новое время

а) Первая форма утопического сознания: оргиастический хилизм анабаптистов

225. <...> в современной социалистической литературе возникновение социализма очень часто относят к движению Мюнцера, свидетельствует отчасти в пользу того, что это движение следует считать началом современных революций. Само собой разумеется, что речь здесь ещё не может идти о пролетариате и о пролетарском классовом сознании; нет также сомнения и в том, что стремление Мюнцера к социальным преобразованиям основывалось на религиозных мотивах. Однако социологу следует обратить на это движение особенное внимание, потому что в нём обнаруживается структурная связь хилизма с социальной революцией.
226. Это можно считать началом политики в её современном смысле, если под политикой понимать более или менее сознательное участие всех слоёв данного общества в деле преобразования посюстороннего мира в отличие от фаталистического приятия всего происходящего и покорного согласия на управление «сверху».

б) Вторая форма утопического сознания: либерально-гуманистическая идея

с) Третья форма утопического сознания: консервативная идея

227. Консервативное сознание само по себе не предрасположено к теоретизированию, что вполне соответствует сделанному наблюдению, согласно которому человек, адаптировавшийся к данной реальной ситуации, не делает её объектом теоретических размышлений. В этих условиях он склонен ощущать всё окружающее его как часть раз и навсегда установленного мирового порядка. Не знает консервативное сознание и утопии — ведь в идеальном случае его структура полностью соответствует той действительности, над которой оно в каждом данном случае господствует.
228. В своей первоначальной форме консервативное мышление не склонялось, как уже было сказано, к созданию идей. В эту сферу борьбы его едва ли не насильно ввёл его либеральный противник.
229. Либерально-просветительская идея представлялась сторонникам консервативного мышления чем-то легковесным, лишённым конкретности. На это её свойство они и нападали, умаляя её значение. Для Гегеля она была просто «мнением», представлением, только возможностью, за которой прячется, скрывается тот, кто пытается уйти от требования дня. Этому «мнению», этому чисто субъективному представлению противопоставляется *погружённая* в реальную действительность «*hic et nunc*», обретающая в ней своё конкретное выражение идея.

230. В науке этому соответствуют труды представителей исторической школы, в которых делается попытка обнаружить эти погруженные в бытие, открывающиеся в нём «идеи» не посредством спекуляций, а посредством конкретного изучения языка, нравов, права и т. д.
231. Её непосредственным противником является либеральная, переведённая в рационалистическую сферу, идея. Если в последней ударение делается на *долженствовании*, то в консервативной идее это ударение ставится на *бытии*. Только потому, что нечто есть, оно уже обладает высшей ценностью, будь то, как у Гегеля, из-за воплощённой в нём высшей рациональности, будь то, как у Штала, из-за чарующего воздействия его иррациональности.
232. Социализм близок либеральной утопии, идее, в том смысле, что в обоих случаях царство свободы и равенства перемещается в далёкое будущее. Однако в социалистической утопии это будущее характерным образом определяется значительно конкретнее как время гибели капиталистической культуры.
233. Однако если для либерального и для консервативного сознания этот динамический центр был духовным по своему характеру, то в социализме из давней близости угнетённых слоёв к материально-метафизическому субстрату выросло прославление того материального принципа, который воспринимался раньше только как негативный, тормозящий развитие фактор. *И в онтологической оценке* имеющихся в мире факторов (в этих глубоко характерных для каждой структуры сознания пластах) постепенно складывается обратная — по сравнению с другими типами сознания — иерархия. То, что раньше воспринималось только как дурное препятствие на пути идеи — «материальные» условия — гипостазировалось здесь в свете переработанного в материализм экономического детерминизма в движущий принцип мирового процесса.
234. Либеральное представление о необусловленности явлений основывалось на вере в непосредственную связь с царством абсолютного долженствования, с идеей. Эта сфера долженствования не связана с историей по своей значимости, с точки зрения либерала, в ней самой содержится некая движущая сила. Не процесс создает идеи, а только обнаружение, открытие идей, только «просвещение» создает силу, формирующую историю.

3. Современная констелляция

235. Социалистическое мышление, разоблачавшее до сих пор все утопии своих противников как идеологии, не применило, правда, эту идею обусловленности к себе, не обратило этот релятивизирующий метод против применяемых им гипостазирования и абсолютизации самого себя. Однако утопический элемент неизбежно исчезнет и здесь, по мере того как эта идея обусловленности будет всё более полно проникать в сферу сознания.
236. На этой зрелой стадии, когда достигнута высокая ступень развития, вместе с исчезновением утопии исчезает и целостное видение. Лишь крайне *левые и правые группировки* сохраняют в своем *мировоззрении* веру в единство и целостность процесса развития. В одном случае — это неомарксизм *Лукача*, изложенный в его основополагающем труде, в другом — универсализм *Шпанна*.
237. Расчленение исторического времени как в социальном отношении, так и в рамках философии истории, на которое под влиянием утопического видения было в предшествующие столетия затрачено столько усилий, вновь утрачивается: качественно дифференцированное время превращается в некую однородную среду, внутри которой всегда (хотя и в различных взаимопересечениях) выступают раз и навсегда установленные структуры и типы (Макс Вебер).
238. В этом находит своё выражение такая установка сознания на преобразование мира, для которой все идеи дискредитированы, все утопии уничтожены. Эту надвигающуюся «прозаичность» следует в значительной степени приветствовать как единственное средство овладеть настоящим, преобразовать утопию в науку, уничтожить лживые и не соответствующие нашей действительности идеологии. Для того чтобы существовать в полном соответствии с действительностью такого рода, где совершенно отсутствует какая бы то ни было трансцендентность, будь то в форме утопии или идеологии, требуется, вероятно,

едва ли доступная нашему поколению жесткость или предельная, ни о чем не подозревающая, наивность недавно вступившего в мир поколения.

239. Отсутствию напряженности в современном обществе противостоят две силы. С одной стороны, это ещё не достигшие успеха в борьбе за социализм и коммунизм слои. До тех пор пока они являются аутсайдерами в нашем мире, сочетание утопии, видения и действия не представляется им проблематичным. Их присутствие в социальной сфере свидетельствует о наличии хотя бы одной формы утопии, а она будет время от времени пробуждать к жизни антиутопии, которые вспыхнут во всех тех случаях, когда этот левый фланг будет переходить к действиям.
240. Из этого следует, что в будущем действительно можно достигнуть абсолютного отсутствия идеологии и утопии в мире, где нет больше развития, где всё завершено и происходит лишь постоянное репродуцирование, но что полнейшее уничтожение всякой трансцендентности бытию в нашем мире приведёт к такому прозаическому утилитаризму, который уничтожит человеческую волю. В этой связи следует указать на существенное различие между двумя типами этой трансцендентности: если уничтожение идеологии представляет собой кризис лишь для определённых социальных слоёв и возникшая благодаря выявлению идеологии объективность служит для большинства средством достигнуть более ясного понимания самих себя, то полное исчезновение утопии привело бы к изменению всей природы человека и всего развития человечества. Исчезновение утопии создаст статичную вещь, в которой человек и сам превратится в вещь. Тогда возникнет величайший парадокс, который будет заключаться в том, что человек, обладающий самым рациональным господством над средой, станет человеком, движимым инстинктом; что человек, после столь длительного, полного жертв и героических моментов развития, достигший наконец той высшей ступени сознания, когда история перестает быть слепой судьбой, когда он сам творит её, вместе с исчезновением всех возможных форм утопии, утратит волю создавать историю и способность понимать её.

Глава V. Социология знания

Сущность социологии знания и её границы

а) Определение социологии знания и её разделы

241. Только таким образом можно преодолеть расплывчатую, непродуманную и поэтому неплодотворную форму релятивизма в науке, которая сохранится до тех пор, пока наука не осмыслит эту всё более отчетливо проступающую обусловленность любого продукта мышления. Социология знания пытается решить эту проблему не посредством боязливой игнорирования данных о социальной обусловленности знания, — она стремится преодолеть растущее беспокойство тем, что вводит эти данные в рамки самой науки и использует их для корректирования научных выводов; поскольку, однако, эти данные представляются ещё недостаточно отчётливыми, точными и отчасти преувеличенными, социология знания стремится свести их к твёрдым неоспоримым положениям, чтобы тем самым сделать более доступными методическому изучению.

б) Социология знания и учение об идеологии

242. <...> всё большее количество конкретных случаев с полной очевидностью свидетельствует о том, что: а) постановку проблемы делает возможным только предшествующий её формулировке жизненный опыт; б) при отборе из множества данных присутствует волевой акт познающего субъекта; в) на характер исследования проблемы оказывают значительное влияние жизненные силы.
243. <...> мышление и знание в значительной своей части вообще не могут быть правильно поняты, если не принимать во внимание их обусловленность бытием и то обстоятельство, что они формируются внутри коллектива.

244. В этом случае две эпохи в истории знания отличались бы друг от друга только тем, что в более раннюю эпоху определённые данные *ещё* отсутствуют или что в данный момент ещё существуют определённые заблуждения, которые впоследствии будут полностью устранены. Подобное утверждение об отношении более раннего знания к знанию более позднему в большей степени справедливо для точных наук (хотя в настоящее время представление о стабильности категориальной структуры точных наук стало значительно менее устойчивым, чем оно было в эпоху «классической физики»), что касается наук о духе, то здесь, нельзя говорить о простом устранении заблуждений в процессе смены более ранних стадий развития более поздними, ибо каждая эпоха с её различными теориями совершенно по-новому подходит к изучению «одного и того же» предмета и постигает его в новом аспекте.
245. Если из утверждения $2 \times 2 = 4$ (мы берём в качестве примера простейший случай) нельзя умозаключить, кем, когда и где оно было сформулировано, то творение духовной культуры всегда даёт достаточно оснований для того, чтобы установить, конституировалось ли оно с позиций «исторической школы», «позитивизма» или «марксизма» и на какой ступени развития каждого из этих направлений. Здесь мы вправе говорить о «*влиянии социальной позиции*» учёного на результат его исследования, о «*соотнесённости с бытием*», т.е. о связи данных высказываний с «бытием», являющимся их основой, и противопоставлять эти высказывания тем, в которых (как в вышеупомянутом утверждении $2 \times 2 = 4$) подобное влияние социальной позиции субъекта отсутствует, по крайней мере в доступной нашему пониманию форме.
246. *Аспект* определяет, каким образом, как индивид видит объект, что он в нём постигает и как конструирует его в мышлении. Аспект есть, следовательно, нечто большее, чем чисто формальное определение мышления, он относится и к качественным моментам в формировании познания, т.е. к тем моментам, которые неизбежно упускаются формальной логикой. Именно эти моменты являются причиной того, что два человека, применяющие одни и те же правила формальной логики (закон противоречия или формулу силлогизма), не приходят к идентичному суждению об одном и том же предмете; более того, их суждения бывают часто совершенно различными.
247. Короче говоря, даже при образовании понятия угол зрения наблюдателя определяется его волей; наблюдение направляется по траектории, позволяющей выявить именно то, что соответствует интересам определенной историко-социальной группы. Таким образом, из всех данных опыта в понятие всегда включается лишь то, что может быть достигнуто и использовано в интересах данного волевого центра. Так, например, вполне вероятно, что консервативное понятие «народный дух» было сформулировано в противоположность прогрессивному понятию «духа времени». Следовательно, сами понятия определённой понятийной схемы открывают непосредственный доступ к аспектам, присущим видению различных социальных слоёв.
248. <...> если последовательно от случая к случаю проследить происхождение и радиус распространения подобной модели мышления, то обнаружится её связь с социальным положением определённых общественных групп и их интерпретацией мира. Следует подчеркнуть, что, в отличие от догматического марксизма, мы понимаем под этими социальными единствами *не только классы*, но и поколения, группы статусов, секты, профессиональные группы, школы и т.п..
249. Дело заключается в том, что исследователь, который видит всё богатство конкретных типов мышления и пытается «причислить» их к определённым общественным единицам, в настоящее время уже не может удовлетвориться недифференцированным понятием класса, игнорирующим все помимо него существующие социальные единицы и социальные условия.
250. Формальная социология опасается того, что в ходе исторической конкретизации и индивидуализации социальной проблематики станут очевидны ее собственные антагонистические противоречия, например противоречия капитализма; совершенно так же в буржуазной дискуссии всегда проявлялась — и проявляется по сию пору — тенденция рассматривать проблему свободы только принципиально и достаточно абстрактно, только на уровне политических прав, а не социальных отношений, поскольку в последнем случае

неминуемо встали бы проблемы собственности и классов и их отношения к свободе и равенству.

251. Одним словом, подход к проблеме, плоскость, в которой ставится проблема, уровень абстракции, а также конкретизации, к которому в каждом данном случае стремится исследователь, — всё это обусловлено социально и экзистенциально.
252. Специалиста в области социологии знания часто упрекают в том, что он игнорирует аргументы, «объект», о котором идет речь, стремясь вместо этого постигнуть основу мышления дискутирующего индивида в её целостности и тем самым показать, что она является лишь *одной* из возможных основ мышления и ведет лишь к частичному пониманию объекта.
253. Целью социологии знания и является устранить параллелизм аргументов в споре между антагонистическими противниками: для этого с помощью вопросов, поставленных в определенной последовательности, внимание концентрируется на выявлении источника частичных различий — проблема, которая не может оказаться в поле зрения дискутирующих, пока их непосредственной темой является то, что принято рассматривать как «объект» дискуссии.
254. Нет, вероятно, необходимости указывать на то, что методы специалиста в области социологии знания, направленные на выявление основы мышления и социальной позиции участников дискуссии, оправданы лишь в том случае, если действительно существует непреодолимое различие аспектов (и в той мере, в какой оно существует), которое находит своё выражение в полном взаимном непонимании. Если же дискуссия проходит в рамках одной плоскости мышления и на общей основе, всё это совершенно не нужно; такого рода методы, примененные без соответствующей необходимости, могут привести к попыткам отклониться от обсуждения вопроса.
255. *Процесс дистанцирования как предпосылка социологии знания.* Для сына крестьянина, который вырос в узком деревенском кругу и прожил всю жизнь в своей родной деревне, мыслить и говорить так, как это принято в его деревне, нечто само собой разумеющееся. Но для сына крестьянина, переселившегося в город и приспособившегося к условиям городской жизни, деревенский образ жизни и мышления не является больше чем-то само собой разумеющимся. Он дистанцировался от деревенской жизни и отличает теперь, быть может, вполне осознанно «деревенский» образ мышления и деревенские представления от «городских». В этом различии заключены первые проявления того подхода, который социология знания стремится расширить и утвердить. То, что внутри группы считается абсолютным, воспринимается извне как нечто, обусловленное ситуацией этой группы, как частичное (в нашем примере как «деревенское»). Предпосылкой для этого типа познания служит, как мы видели, дистанцирование.
256. *Феномен реляционирования.* После всего сказанного едва ли может еще возникнуть сомнение в том, что имеется в виду, когда метод социологии знания определяется как «реляционирование». Урбанизированный сын крестьянина, который характеризует какое-либо определенное (политическое, мировоззренческое, социальное) высказывание своих родственников как «деревенское», не обсуждает уже данное высказывание с позиций гомогенного участника дискуссии, т.е. не руководствуется непосредственным содержанием сказанного; теперь он соотносит это высказывание с определённой интерпретацией мира, а её, в свою очередь, с определенной социальной структурой как её предпосылкой. Он реляционирует его. В дальнейшем мы ещё вернемся к тому, что тем самым это высказывание отнюдь не объявляется ложным.
257. Отождествлять это отнесение отдельных духовных образований ко всей структуре определенного исторического и социального субъекта с философским релятивизмом (с учением, отрицающим наличие масштабов и порядка в мире), столь же неверно, как применять понятие «релятивизм» (в смысле чистой случайности) к теории, согласно которой все измерения тел восходят к созданному светом отношению между измеряющим и измеряемым. Реляционизм не означает, что дискуссии не могут привести к определенному решению; в его основе лежит уверенность, что в силу самой природы определенных

высказываний они могут быть сформулированы не абсолютно, а лишь в рамках социально обусловленного аспекта познания.

258. Что сказано об истинности какого-либо теоретического положения, если доказано, что его следует отнести к либерализму или марксизму? <...> Существует и третья возможность судить о ценности суждений в области социологии знания, и она отражает нашу точку зрения. Согласно этой точке зрения, первое суждение упускает из виду то обстоятельство, что чисто фактическое определение социальной позиции и её идентификация ещё не содержит оценки, содержащейся в высказывании истины; в этом акте только содержится предположение, что данное высказывание может быть *частичным*. Что касается второго суждения, то, согласно нашей точке зрения, неправильно считать задачей социологии знания простое описание действительных условий возникновения данного высказывания (его фактический генезис); доведённый до своего завершения и до конца продуманный анализ в области социологии знания всегда устанавливает *границы содержания и структуры* анализируемой точки зрения; или, выражая это терминологически, не только реляционирует, но и *партикуляризирует* в каждом данном случае видение и значимость.
259. Следовательно, уже на этой ступени реляционирование переходит в партикуляризацию, ибо в рамках этого процесса высказывание не только соотносится с определенной позицией, но в ходе этого соотнесения совершается и ограничение значимости тех высказываний, которые раньше считались абсолютными.
260. Таким образом, оценивая выводы социологии знания, следует сказать, что по своей смысловой значимости они занимают неведомое нам ранее промежуточное положение в установлении истины, положение между иррелевантностью и полной релевантностью (это может быть показано с помощью феноменологического анализа общей направленности социологии знания и её методов исследования). Анализ, применяемый социологией знания, служит лишь подготовкой к прямой дискуссии в эпоху, которая обнаружила разнородность своих позиций, отсутствие подлинной единой основы мышления и прилагает усилия для создания единства на более высоком уровне.

В. Гносеологические выводы социологии знания

261. С помощью возведенного до априорной предпосылки самоутверждения, согласно которому гносеология должна быть независима от «специальных дисциплин», раз и навсегда отвергаются те выводы широкого эмпирического исследования, которые могли бы привести к плодотворным результатам. Вместе с тем сторонники этой точки зрения не замечают, что упомянутое учение об автономии гносеологии, этот жест самоутверждения и заявления об иррелевантности эмпирических данных, в конечном итоге *de facto* ведут лишь к защите академической теории познания определённого типа от потрясений, наносимых ей развивающимися эмпирическими науками.

Критическая часть

262. Взаимоотношения между гносеологией и специальными науками носят двойственный характер. По своей конструктивной направленности гносеология является фундаментальной наукой по отношению ко всем специальным наукам, ибо в ней содержится фундаментальное обоснование всех типов знания, формирующихся в процессе конкретного исследования, и представления об истинности и правильности, которыми эти науки руководствуются в своих выводах. Это, однако, не исключает того легко обнаруживаемого факта, что субстратом каждой конкретной теории познания является определённая историческая форма знания, что применительно к ней теория познания моделирует свои представления о знании и познании и таким образом в свою очередь основывается на существующем знании.
263. Мы наблюдаем обратное: развитие теоретических наук непосредственно зависит от развития наук эмпирических, и совершающиеся в них преобразования связаны с преобразованиями в рамках конкретного, эмпирического познания. Следовательно, переворот в теоретических пластах сознания всегда наступает позже, чем переворот в пластах непосредственного

эмпирического познания, и лишь посредством постоянного обращения теории познания к эмпирическим наукам её теоретическая основа может обрести ту необходимую гибкость и широту, которые позволят ей санкционировать не только старые формы знания (для чего она первоначально возникла), но служить опорой и его новым формам.

264. Все ошибочное и частичное в фундаментальных основах знания может и должно быть пересмотрено в свете тех преобразований, которые происходят в непосредственном процессе познания.

3. Выявление частичности господствующего гносеологического подхода

а) Ориентация на модель мышления точных (естественных) наук

б) Отношение между понятием истины и социально-историческим «бытием»

265. Таким образом, понятие истины, также не установлено однозначно для всех времён и также подвержено историческому изменению. Следовательно, представление об истине, формирующееся в каждый данный период, не является случайным, к конструкции этого понятия ведет определённый путь: в соответствии с парадигматической формой знания и её структурой в каждый данный период создается представление о том, какой должна быть истина вообще.
266. В самом деле: если в основу положить тип знания по образцу $2 \times 2 = 4$, то этот тезис окажется правильным и при его феноменологическом рассмотрении. Для этого типа знания генезис познания действительно не влияет на полученные выводы, а отсюда лишь один шаг до конструкции сферы истины в себе, полностью изолированной от исторического субъекта. Это учение о возможности отделить содержание высказывания от его генезиса имеет большие заслуги в борьбе с психологизмом, ибо только благодаря ему удалось отделить познаваемое от акта познания. В психологии наблюдение о необходимости отделять генезис идеи от её смыслового содержания верно и по своему феноменологическому аспекту; и только потому, что это соотношение было здесь феноменологически установлено, оно вошло, как мы полагаем, в число неопровержимых истин ноологии и теории познания. В психологии эта пропасть (например, между действием механизма ассоциации и вызванным им суждением), которую имеет в виду учение об иррелевантности генезиса суждения для его смысла, действительно существует. Ошибка заключается в том, что обнаруженное на основе этой специфической модели отношение между генезисом идеи и её значимостью было перенесено на все виды взаимоотношения между генезисом и значимостью вообще.
267. Тот факт, что наука (так, как она определяется учением о свободе от оценочных суждений) существует не для пропаганды или распространения оценок, но для установления фактов, не вызывает сомнения; социология знания стремится лишь показать, что после того как наука очищена от элементов пропаганды и оценок, в ней всегда ещё остается некий активистский элемент, который большей частью не является эксплицитным и который нельзя и не следует устранять, но который в лучшем случае можно и должно возвести до сферы контролируемого.
268. <...> проблема состоит не в том, как создать изображение, лишенное перспективы, а в том, как посредством сопоставления различных точек зрения понять сущность перспективы как таковой и тем самым достигнуть объективности нового типа.
269. Представление о знании как о духовном акте, который совершенен лишь в том случае, если он свободен от следов своего человеческого происхождения, эвристически плодотворно разве только там, где — как в нашей модели мышления: $2 \times 2 = 4$ — может быть (с большим или меньшим основанием) феноменологически показано, что такого рода характеристики de facto существуют (на это мы уже указывали выше). Однако в тех обширных сферах доступного нам знания, где игнорирование антропологического и исторического момента полностью искажает результаты мышления, такого рода представление ведёт только к заблуждениям и непониманию основных феноменов.

270. Миссия мыслителя состоит совсем не в том, чтобы при первом же появлении какого-либо нового круга проблем любой ценой вынести решение, но в том, чтобы, полностью сознавая незавершённость процесса исследования, фиксировать то, что действительно стало очевидным.
271. Подобная точка зрения не связана ни с отказом от постулата объективности и возможности принимать решения в дискуссиях по конкретным вопросам, ни с иллюзионизмом, согласно которому всё является видимостью и решить вообще ничего нельзя; в основе этой точки зрения лежит уверенность в том, что объективность и принятие решений могут быть достигнуты лишь косвенным путем. Речь идет совсем не об отрицании объективной реальности или о том, что восприятие не даёт должного ответа на поставленные нами вопросы, но только о том, что по логике вещей эти ответы в определённых случаях с необходимостью обусловлены аспектом познания, присущего данному наблюдателю. Результатом такого подхода также является не релятивизм в том смысле, что принять можно любое мнение; реляционизм в нашем понимании означает, что формулировка любого высказывания всегда носит реляционный характер. В релятивизм этот реляционизм переходит в том случае, если он сочетается с прежним статическим идеалом вечных, оторванных от наблюдателя и перспективы его видения истин и если о нём судят с позиций этого чуждого ему идеала абсолютной истины.
272. Если принять тезис об экзистенциальной обусловленности мышления, объективность будет означать нечто совсем новое и иное: а) наблюдатели, находящиеся в рамках одной системы и обладающие одинаковым аспектом видения, могут именно вследствие идентичности их понятийного и категориального аппарата прийти в ходе возможной в данном случае однозначной дискуссии к однозначным выводам, а всё отклоняющееся от них устранить как ошибку; б) если аспекты наблюдения различны, то «объективность» может быть установлена только косвенным путем; в этом случае делается попытка объяснить тот факт, что объект увиден правильно, но под двумя различными углами зрения, различием в структуре видения, и прилагаются усилия для разработки формулы, способной объединить и согласовать выводы, полученные в этих различных перспективах. После того как подобная контрольная формула разработана, уже не составляет труда отделить неизбежные при различных аспектах видения отклонения от произвольных, неверных выводов, которые и в данном случае должны рассматриваться как ошибки.
273. Само собой разумеется, что сразу же возникает вопрос, какую из существующих точек зрения следует считать оптимальной. Однако и для этого есть критерий, подобный тому, которым пользуются при наличии визуальной перспективы, где также предпочтение отдается тем аспектам, которые выявляют фундаментальные связи в структуре предмета, т.е. обладают наибольшей силой постижения, наибольшей плодотворностью в обработке эмпирического материала.
274. В большинстве случаев всё наше исследование этой проблемы спонтанно двигалось в сторону нейтрализации экзистенциальной обусловленности, возможности подняться над ней. В этом направлении движется учение о расширении базиса видения, способного интегрировать и обосновать все частичные точки зрения, учение о неизбежном расширении кругозора и позиции (основанных на опыте), учение о всеохватывающей онтологии, к которой следует стремиться.

5. Проблемы техники историко-социологического исследования в области социологии знания

275. Определение этих позиций осуществляется методом *причисления*. Он состоит в том, чтобы фиксировать аспект каждого продукта мышления и связать фиксированный таким образом аспект с тем или иным течением мысли (в качестве его составной части), а его, в свою очередь, «причислить» к движущим социальным силам, детерминирующим различные позиции (что ещё не делается в области истории искусства).

6. Краткий обзор истории социологии знания

276. Начало социологии знания положил своими гениальными указаниями в этой области *Маркс*. Однако у Маркса элементы социологии знания ещё тесно связаны с разоблачением идеологии, и носителями идеологии являются социальные слои и классы. И хотя учение об идеологии появляется в рамках определённой интерпретации истории, которая служит ему основой, оно на первой стадии ещё систематически не продумано до своего логического конца. Другой источник современной теории идеологии и социологии знания следует искать в молниеносных провидениях *Ницше*, который сочетал свои конкретные наблюдения в этой области с учением о структурах инстинкта и близкой к прагматизму теорией познания. Мы находим у него и социологическое причисление явлений; правда, он использует преимущественно категории «аристократической» и «демократической» культуры, к которым и относит определённые типы мышления.

Конец текста